

ТРИЕДИНСТВО

ПЕРЕД БЛИЗКИМ ВОСТОКОМ
И НЕДАЛЕКИМ ЗАПАДОМ

НАУЧНО-ЛИТЕРАТУРНЫЙ АЛЬМАНАХ

МОСКВА ГРИФОН
2012

Восток – Запад

Альманах

**Триединство. Россия
перед близким Востоком и
недалеким Западом. Научно-
литературный альманах. Выпуск 1**

«Грифон»

2012

УДК 94(470):327+94(53+61)
ББК 63.3(6)66я5 +63.3(5)я5

Альманах

Триединство. Россия перед близким Востоком и недалеким Западом. Научно-литературный альманах. Выпуск 1 / Альманах — «Грифон», 2012 — (Восток – Запад)

10 лет назад, 11 сентября 2001 г., террористическая атака на башни знаменитых небоскребов Торгового центра в Нью-Йорке ужаснула мир. Фактически с этого дня начался отсчет XXI столетия, века террористических угроз и контртеррористических войн; века глобальных угроз и потрясений; века, который как никогда ранее показал хрупкость человеческой цивилизации. Какие перспективы ждут нас, если человечество не сумеет одуматься? Самый известный террорист Бен Ладен уничтожен – но что дальше? В чем причины террора и удастся ли его обуздать? Первый выпуск нового альманаха (пилотный выпуск вышел в 2011 г.), который издается к 190-летию Института востоковедения РАН и 80-летию доктора исторических наук, профессора, академика РАЕН Л.И. Медведко (в прошлом – разведчика), включает статьи, посвященные попыткам урегулирования самого длительного конфликта века на Большом Ближнем Востоке, а также влиянию на международную политику глобального экономического кризиса. Анализируется и феномен ближневосточных «цветных революций» (включая конфликт вокруг Ливии). Авторы обсуждают актуальные проблемы, важные для национально-государственной безопасности России и стран СНГ. Для всех, кто интересуется современной историей и политикой.

УДК 94(470):327+94(53+61)
ББК 63.3(6)66я5 +63.3(5)я5

© Альманах, 2012

© Грифон, 2012

Содержание

Встреча юбилеев с «живой историей»	7
Предисловие	7
Три времени живой истории. Пролог	9
Затянувшаяся арабская весна, которая потрясла мир	11
Часть I	17
Великий Замысел и злой умысел	18
«Слава богу, его не задело!»	22
Грани и орнаменты творческой жизни	24
Под «крышей» ТАСС и дома своего	28
«Эмиссар Кремля дает старт»... дипотношениям с Королевством Иордания	30
Икра для короля: свидетельства очевидцев	33
Рыцарь «умной службы» без плаща и кинжала	35
Мое открытие Востока	39
От Босфора и Иордана до Суэца и Залива	42
Несостоявшийся брак в Багдаде	46
Маршал Жуков «у врат Царьграда»	48
Как Хрущев обложил чужих и заложил своих	49
Конец ознакомительного фрагмента.	51

Триединство: Россия перед ближним Востоком и недалеким Западом: Научно- литературный альманах. Вып. 1: 10 лет со дня «черного вторника» сентября 2001 года

Светлой памяти друзей и товарищей, коллег-востоковедов и соратников по совместной службе в военной разведке, век жизни которых оказался короче все еще продолжающихся в мире войн...

TRIUNITY
RUSSIA FACING THE MIDDLE EAST AND THE WEST
Scientific-literary almanac

Col. 1
10 years after
“the black September” 2001

Moscow
GRIFON publishers 2012

Редакционный совет:
В.В. Наумкин (*председатель*), В.Я. Белокриницкий, Д.Н. Бакун (*ответственный редактор*), А.З. Егорин, В.А. Золотарев, Л.И. Медведко, В.Ф. Онищенко, Н.П. Шмелев, А.М. Хазанов (*зам. председателя*)

Книга выпускается при поддержке Института востоковедения РАН, Фонда «Верность Родине» и НПО «Интеллект-С»

Шесть золотистых мраморных колонн,
Безбрежная зеленая долина,
Ливан в снегу и неба синий склон.

Я видел Нил и Сфинкса-исполина,
Я видел пирамиды: ты сильней,
Прекрасней, допотопная руина!

Там глыбы желто-пепельных камней,
Забывтые могилы в океане
Нагих песков. Здесь радость юных дней...

Под ним стоянка первого номада.
И пусть она забвенна и пуста:
Бессмертным солнцем светит колоннада.

В блаженный мир ведут ее врата.

И. А. Бунин. «Храм солнца»

Встреча юбилеев с «живой историей»

Предисловие

Второе, переработанное и дополненное издание нового альманаха Института востоковедения РАН выходит в 2012 году, объявленном президентским указом *Годом российской истории*. Этот год знаменателен и потому, что в России отмечается несколько крупных исторических юбилеев (1150 лет со дня создания Российского государства, 200 лет победы в Отечественной войне 1812 года и 150 лет со дня рождения П.А. Столыпина). Также это год 70-летия трех великих сражений Великой Отечественной войны – окончания Битвы под Москвой, Сталинградской битвы и сражения за Кавказ, во многом решивших исход Второй мировой войны. Осмысление этих юбилеев с точки зрения *сбережения российского народа* – после всех потрясений и трагедий XX века – является очень важной и актуальной задачей.

В предисловии к первому изданию альманаха уже отмечалось, что знаменательные юбилеи имеются и в научной сфере, в том числе и для Института востоковедения РАН (приблизился его 200-летний юбилей). В этом старейшем академическом институте страны работали и работают немало выдающихся ученых. Институт воспитал целую плеяду востоковедов для России и стран СНГ. Среди них – и Леонид Иванович Медведко, тюрколог и арабист, востоковед широкого профиля, историк и литератор, автор многих книг, переводчик прозы и поэзии классиков турецкой и арабской литературы (в том числе ливийской). Он же был руководителем авторского коллектива (и одним из авторов) «Истории Ливии в новое и новейшее время», повышенный интерес к которой вызван разразившимся недавно ливийским кризисом. Идея новаторского по своей сути издания принадлежит именно Л.И. Медведко, поэтому не случайно часть материалов раскрывает творческий путь ученого.

Издание не совсем обычно: не только по содержанию, но и по разнообразию жанров включенных в него текстов – мемуарных очерков, научных статей по истории, экономике, философии, литературоведческих работ и даже поэзии. Альманах (научный и литературный) во многом отражает комплексный характер российского востоковедения. Традиционно оно считалось междисциплинарной отраслью гуманитарных знаний. Но востоковедение всегда имело и прикладной характер. Это было связано, прежде всего, с практической и творческой деятельностью многих востоковедов. Как говорили в старину, востоковеды могли быть на «царёвой» государственной и на военной службе, людьми науки и творческих профессий. Нельзя не вспомнить девиз «Единство в многообразии», под которым проходил в Москве XXXVII Международный конгресс востоковедов (ICANAS).

В Альманахе участвуют ученые разных областей знаний, писатели, критики, публицисты, поэты, военные аналитики, ветераны военной разведки и дипломаты. В разное время – соратники и коллеги Л.И. Медведко. Все они служили, а некоторые и продолжают служить Отечеству Словом и Делом. Каждый вкладывает в эти понятия свой особый Смысл. Не случайно первый раздел Альманаха – Слово – открывает эссе всемирно известного писателя Чингиза Айтматова. Своему последнему изданному при жизни роману писатель дал символическое название «Когда падают горы», словно предвидя начавшееся крушение привычного нам мирового порядка, провозглашенного 70 лет назад Декларацией Объединенных наций. Этот роман Чингиз Айтматов подарил своему другу Леониду Медведко с автографом: «Мы свои и в слове, и в деле».

Книге Л.И. Медведко и С.Л. Медведко «Восток дело близкое, Иерусалим – святое» Чингиз Айтматов предпослал литературное эссе, которое (в сокращенном варианте) послужило своеобразным прологом к этому изданию. Писатель был не только многолетним другом, но и

соратником Л.И. Медведко по общей работе в Международном фонде Ч. Айтматова (Иссык-Кульский форум).

Названия альманаха допускает разные толкования. Так, русский религиозный философ, одно время близкий евразийству, Л.П. Карсавин доказывал триединство Бога (как истину, как любовь и как всеблагость). Служение триединству Слова, Дела и Смысла Ч. Айтматов сравнивал с отправкой в путь «каравана идей» разных культур и цивилизаций. Их бесценный груз может быть разным, но доставить его к месту назначения можно только общими усилиями.

Пожелаем в Год истории доброго пути и самому Альманаху!

Член-корреспондент РАН

В.В. Наумкин,

директор Института

востоковедения РАН

Три времени живой истории. Пролог

В одном из древнейших селений Ближнего Востока – Маалуле (Сирия) – его старейшина поделился секретом долголетия: «Никогда не надо гнаться за временем и пытаться догнать, тем более – обгонять события. Всему свое время и свое место». Жители этого селения и поныне говорят на родном языке Патриарха всех Пророков трех религий Авраама (по-арабски Ибрагима). Здесь бок о бок живут (и даже вместе празднуют) религиозные праздники христиане и мусульмане (а до отъезда в Израиль вместе с ними были и местные иудеи). Эта мудрость и помогла однажды разрешить непростой спор: что было раньше, Слово или Дело (спорили христианин и мусульманин). Старейшина объявил, что сначала Всевышний наполнил и Слово, и Дело общим *Смыслом*. Такое триединство – термин известного русского философа и историка Л.П. Карсавина (1882-1952) – подсказало и название нашего междисциплинарного альманаха, и его структуру (три взаимосвязанных раздела). Триединство определяет и место России в духовно-временном пространстве – как неотъемлемой части одинаково ей *близкого* Востока и столь же *недалекого* Запада.

На пути выхода в свет альманаха было больше препятствий, чем попутных ветров. Объявленное ООН в «нулевой» год нового тысячелетия Международное десятилетие культуры мира и ненасилия для детей Планеты XXI века (2001-2010) прошло под знаком его антипода – антикультуры войны. Последние завершающие годы этого десятилетия ознаменовались худшим видом насилия – братоубийственными и гражданскими войнами на Большом Ближнем Востоке (ББВ) к востоку и западу от Суэца.

Обрушившийся после этого шквал бурных событий, сравниваемых и со смерчем, и с цунами революций, тоже нашел отражение в альманахе. Благо, многим из его авторов, в прошлом профессиональным журналистам и разведчикам, заниматься актуализацией «живой истории» – дело привычное.

Включение в альманах подготовленных по горячим следам статей еще более полно раскрыло его подзаголовок. 70-летие начала Великой Отечественной и недавняя годовщина окончания Второй мировой войны – еще один повод задуматься, насколько «игры с огнем» бывают опасны (какими бы политическими причинами они не оправдывались). Об этом же громко напомнил «черный вторник» сентября 2001 г. и объявленная и все еще не законченная глобальная война с «международным терроризмом». Широко разрекламированная ликвидация Бен Ладена не означает, что с терроризмом уже навсегда покончено.

Россия, как никакая другая страна, осознает и чувствует свою ответственность за исход противостояния культуры мира и антикультуры войны и особенно – свою роль в обеспечении безопасности и упрочении мира на некогда триедином (до прорытия Суэцкого канала) мега-континенте Евро-Афро-Азии.

Трудно пока предсказать, чем могут завершиться затянувшаяся арабская весна и последовавшая за ней «гуманитарная» интервенция коалиционных сил НАТО в Ливию. Сами эти события напоминают о том, что именно здесь, на землях Большого Ближнего Востока от Атлантики до гор Гималаев, проходили «репетиции» как Первой, так и Второй мировых войн.

Считаю своим долгом поблагодарить всех авторов альманаха за их участие и поддержку. Особо хотел бы выразить благодарность за участие и финансовую поддержку в его издании Институту востоковедения РАН, Союзу ветеранов военной разведки и его Фонду «Верность Родине», НПО «Интеллект-С», а также Фонду Евро-Азиатской Интеграции и Сотрудничества (ЕврАзИс). Не могу к этому не присоединить также благодарность за поддержку представителей следующих за мной двух поколений востоковедов и журналистов: детей Ольги и Сергея и внуков Дмитрия Медведко, Алексея и Наташи Германович. Каждый из них тоже внес свой вклад в выпуск этого альманаха. И последнее: вместе с благодарностью хотелось бы пожелать

творческих успехов и долголетия, сил и здоровья всем участникам альманаха, всем идущим впереди и за мною юбилярам под девизом русской Триады – Веры, Надежды, Любви, преодолевая все препятствия и преграды.

Составитель

Затянувшаяся арабская весна, которая потрясла мир (Хроника и развитие событий: декабрь 2010 – октябрь 2011)

Тунис

Массовые антиправительственные выступления в Тунисе начались в городке Сиди-Бузид. **17 декабря** уличный торговец Мохаммед Буазизи, оказавшийся без работы, совершил акт саможжения. Разъяренная толпа атаковала **24 декабря** штаб-квартиру правящей Конституционно-демократической партии, штаб Национальной гвардии и вокзал. В результате бунта были сожжены три автомобиля, локомотив, штаб-квартира партии, застрелен один из демонстрантов. **27 декабря** тунисские профсоюзы провели в столице манифестацию солидарности с демонстрантами Сиди-Бузида. **3 января** акции протеста прошли также в городе Тала. **4 января** в больнице умер Мохаммед Буазизи, совершивший саможжение 17 декабря. **8—10 января** вспышки насилия произошли в городах Тала, Касерин и Эт-Тадхамуне. Президент Бен Али выступил по национальному телевидению с обещанием создать 300 тысяч рабочих мест в течение двух лет. **12 января** премьер-министр Мохаммед Ганнуши объявил об увольнении министра внутренних дел и велел освободить всех арестованных с начала конфликта. Одновременно в столицу для поддержания порядка были введены войска. **13 января** Тунис захлестнула новая волна беспорядков. В ответ полиция открыла огонь по демонстрантам. После бегства из страны **14 января** президента Бен Али со своей семьей в Саудовскую Аравию было сформировано временное переходное правительство во главе с Мохаммедом Ганнуши. По требованию участников многотысячных демонстраций оно также ушло в отставку в полном составе. Волну антиправительственных выступлений в Тунисе назвали «жасминной революцией».

Египет

Начало «финиковой революции» принято относить к **25 января**, когда в ходе прошедшего в стране Дня гнева был убит один полицейский и трое манифестантов. **26 января** в Суэце протестанты пытались сжечь полицейский участок и здание Национально-демократической партии (НДП). **27 января** там же, в Суэце, сожжена пожарная часть, мэрия. Волнения перекинулись на другие города

Египта – Исмаилия, Александрия и др. Власти освободили 259 арестованных. Объявлено чрезвычайное положение в каирском аэропорту в день прилета аль-Барадеи. **28 января** – ввод войск в некоторые города, блокада центральной каирской площади Тахрир, столкновения в Александрии, Суэце, эль-Мансуре, аресты 5 руководителей «Братьев-мусульман». Город Суэц перешел под контроль протестующих. В других городах захвачены отделения правящей партии; волнения в Луксоре, Мине, Мансуре, Шаркии, эль-Мансуре на Синае; обращения протестующих к армии защитить народ от власти президента. В Александрии силы правопорядка покинули город, подожжено здание мэрии. Комендантский час объявлен по всей стране. Однако народ бойкотирует его. Подожжена штаб-квартира правящей НДП. Началось мародерство. В центр Каира введена армейская бронетехника. Совершена первая попытка ограбления Каирского национального музея.

29 января Мубарак объявил о роспуске правительства. В столице полиция перестала вмешиваться в протесты. Восстановлена работа мобильной связи. Продолжение демонстраций в городах Египта с требованием отставки Мубарака. Число жертв превысило 80 человек. К середине дня протестующие начали штурм МВД Египта. Мубарак реанимирует дефакто упраздненный в 1981 году пост вице-президента, на который был назначен бывший глава разведки Египта Омар Сулейман. Новым премьер-министром вместо отправленного

в отставку Ахмеда Назифа был назначен бывший главнокомандующий ВВС Египта Ахмед Шафик. **30 января** – побег нескольких тысяч заключенных из тюрьмы в Вади-Натрун. В тот же день погиб сотрудник посольства Азербайджана. Началась эвакуация азербайджанских граждан из Египта. США призвали также своих граждан покинуть Египет. Российские компании «ЛУКОЙЛ» и «Новатэк» приступили также к эвакуации своих сотрудников. Правительство Египта ввело войска в курортный город Шарм-эль-Шейх. **31 января** башкирские российские студенты Каирского университета «Аль-Азхар» потребовали своей эвакуации из Египта. Власти закрыли порт в Александрии. Александрийской христианской общиной созданы дружины для противодействия грабежам и вандализму. **1 февраля** оппозиция, объединившаяся в Национальный фронт, организовала «Марш миллионов». На площади Ат-Тахрир собралось около 200 тыс. демонстрантов. Вечером президент выступил с телеобращением к нации, заявив, что не будет участвовать на следующих выборах осенью 2011 года, но до этого срока собирается сохранить за собой президентский пост.

2 февраля – за время массовых беспорядков из тюрем сбежало около 20 тыс. заключенных, среди которых активисты запрещенного движения «Братья-мусульмане» и члены палестинского движения ХАМАС. Массовые столкновения между сторонниками и противниками Мубарака в Каире. На площади Тахрир горят магазины и лавки. В Каире был избит корреспондент ВГТРК Сергей Пашков. После безуспешного обращения к протестующим с призывом немедленно очистить улицы Каира солдаты начинают стрелять в воздух. **4 февраля** оппозиция вывела на Тахрир миллион своих сторонников с требованием отставки Мубарака. Аналогичные акции прошли в Александрии и Эль-Мансуре. **10 февраля** Мубарак передал часть президентских полномочий вице-президенту Омару Сулейману, но отказался уходить в отставку.

11 февраля Мубарак согласился подать на отставку. Народные волнения в Каире, Александрии и других городах продолжаются. Хосни Мубарак находится под наблюдением врачей и охраны в своей резиденции в Шарм-эль-Шейхе. Авуары Мубарака арестованы в Европе и Египте. Власть перешла в руки Высшего совета Вооруженных сил – военной хунты из 20 генералов, которую возглавил генерал Тантави. Он обнародовал проект новой конституции, предусматривающей ограничение власти президента двумя сроками. Проект вносит также ряд изменений в систему президентских и парламентских выборов, которые намечено провести в течение полугода.

Алжир

Антиправительственные демонстрации в Алжире начались в январе. В столкновениях с полицией погибло около десятка человек и более 800 было ранено. Демонстранты протестовали против дороговизны жизни и высокого уровня безработицы. Правительство обещало снижение цен на сахар и оливковое масло. Власти обещали также пойти на ряд политических уступок, отменить чрезвычайное положение, введенное в 1992 году после победы в первом туре парламентских выборов исламских экстремистов.

Йемен

22—27 января – начало первых демонстраций в стране, организованных аналогично тем, что проходили в Тунисе. **2 февраля** президент Йемена Салех сообщил, что он отказывается участвовать в следующих выборах и не будет передавать власть сыну. **3 февраля** в ходе Дня гнева участвовало 20 тыс. человек. Демонстранты собрались на площади Тахрир в центре Саны. В Адене произошли столкновения демонстрантов с полицией. **17 февраля** произошли столкновения проправительственных сил с оппозицией в Сане с многочисленными жертвами в Адене. **26 февраля** лидеры двух влиятельных племен отказали в поддержке президенту и перешли на сторону оппозиции. **28 февраля** президент предложил оппозиции вступить в

«объединенное правительство», но оппозиция продолжала настаивать на отставке правительства.

4—8 марта погибли несколько демонстрантов и около **50** человек были ранены в результате столкновений с полицией в разных городах Йемена. **13—14 марта** – продолжение столкновений с жертвами среди демонстрантов во многих городах страны. **18 марта** в стране введено чрезвычайное положение. **20 марта** президент Йемена отправил в отставку правительство. **21 марта** генерал-майор Али Мохсен аль-Ахмар – командующий 1-й бронетанковой дивизией сухопутных войск Йемена – заявил, что она «выступает за мирную революцию молодежи» и поддерживает оппозиционеров. Генерал обвинил президента Йемена Али Абдаллу Салеха в подавлении мирных протестов и подталкивании страны к гражданской войне. В столицу введены были танки под командованием сына президента. Министр обороны пообещал защищать режим нынешнего президента от любых попыток переворота. Президент согласился подписать указ, запрещающий применение силы против демонстрантов. Он обвинил США и Израиль в том, что те срежиссировали волнения в арабском мире от Туниса до Омана».

Марокко

В феврале-марте имели место также массовые демонстрации с требованиями проведения политических и экономических реформ, но без требований ухода короля. Выдвигались лишь требования об установлении «парламентской монархии».

Бахрейн

Начавшиеся в феврале и все еще продолжающиеся в Манаме и других городах страны антиправительственные выступления обрели конфессионально-религиозную окраску бунта большинства шиитского населения против правящего в эмирате суннитского меньшинства. В стычках с полицией погибло около ста человек. Демонстранты требуют не только проведения экономических реформ, но и роспуска правительства, создания новой конституции и принятия мер с целью прекращения конфронтации между суннитами и шиитами. Для обеспечения безопасности в стране на помощь королевской власти введены войска Саудовской Аравии и ОАЭ.

Иордания

Состоявшиеся многотысячные демонстрации в Аммане обходятся пока без жертв. Их участники требуют проведения политических реформ, возврата к конституционной монархии и конституции 1952 года, в которую уже вносилось более 20 поправок.

Кувейт

Правящий в стране эмир ас-Сабах пообещал каждому жителю эмирата выделить до 10 тыс. долларов, направив 6 млрд долларов на социальные нужды. Однако эти шаги не сбили волну протестов среди бедуинов, приезжих эмигрантов и тех жителей страны, которые не имеют кувейтского гражданства и для которых остаются недоступными ни бесплатное начальное образование, ни бесплатная медицина, ни обещанные 10 тыс. долларов социальных пособий.

Саудовская Аравия

Король Абдалла бен Абдель Азиз ас-Сауд поднял в два раза оклады всем госслужащим. Около 35 млрд направлено на различные пособия. Королем также обещано, что борьба с безработицей станет одной из основных задач его правительства. Противники режима призвали единомышленников провести 11 марта свой День гнева, который прошел сравнительно мирно, учитывая, что любые демонстрации по-прежнему запрещены законом.

Оман

Обстановка дестабилизировалась после проведения в начале марта в городе Сухар антиправительственных выступлений. Демонстранты требовали мер против безработицы и коррупции, повышения зарплат. Султан Кабус, находящийся на троне с 1970 года, объявил о создании Ассоциации защиты потребителей и открытии кооперативов, которые бы продавали продукты по сниженным ценам.

Ирак

Более тысячи этнических арабов в курдской провинции Киркук еще с началом событий в Тунисе угрожали проведением «революции тунисского типа» против действующих в провинции курдских сил безопасности, требуя от властей освободить из тюрем арабов. В феврале полиция открыла огонь по толпе, пытавшейся взять штурмом здание администрации в городе Сулеймания в Иракском Курдистане. В столкновениях два человека погибли, десятки были ранены. Сотни его жителей продолжали требовать проведения политических реформ, борьбы с коррупцией. Во время волнений 12 человек получили ранения. В Багдаде прошла демонстрация с участием тысячи женщин и детей, требовавших расширения прав вдов и сирот. Правительство обещало отложить покупку истребителей F-16 и направить выделенные на эти цели 900 млн долларов на поддержание программы дотационного распределения продовольствия... Под влиянием событий в Тунисе и Египте в ряде городов и провинций Ирака также прошли акции протеста с требованиями улучшить качество жизни народа, страдающего от массовой безработицы, коррупции, нехватки продовольствия и перебоев в снабжении электричеством и водой.

Ливия

С 17 февраля начались массовые антиправительственные выступления в городах Бенгази, Бевида, Зентан, Ружбан и Дерна. Ливийская правозащитная организация Human Right Solidarity, штаб-квартира в Женеве, сообщила о 13 жертвах в ходе первых протестов. **18—20 февраля** – продолжение уличных волнений в городах Киренаики. После Дня гнева уличные волнения охватили все города Киренаики. **18 февраля** восставшие, сломив сопротивление полиции, установили контроль над городом Аль-Байда. Уличные бои велись в Бенгази, где была сожжена местная радиостанция, а **20 февраля** пала военная база, после чего центр города оказался под полным контролем восставших. В ночь **19 февраля** власти отключили Интернет. **20 февраля**, по сообщениям телеканала «Аль-Джазира», ливийские власти расстреляли из пулеметов в Бенгази демонстрацию протеста. Погибло около 200 человек, около 800 получили ранения. По неподтвержденным данным, против демонстрантов использовались артиллерия и боевые вертолеты. Волнения в Бенгази переросли в вооруженный мятеж расквартированных здесь частей ливийской армии, перешедших на сторону оппозиции. Глава МВД Ливии генерал армии Абдель Фаттах Юнее порвал с Каддафи и призвал армию переходить на сторону протестующих. Ливийская правительственная авиация нанесла удар по мятежной военной базе в Бенгази.

22 февраля мятежники распространили свою власть на город Тобрук. Командующий войсками в Тобруке генерал-майор Сулейман Мухаммад с верными ему войсками перешел на сторону оппозиции. Ливийские власти обвинили в организации беспорядков и мятежей исламистов. К **24 февраля** вся Киренаика перешла под полный контроль мятежников. Ливийские власти временно оставили попытки вернуть контроль над регионом. **26 февраля** мятежники сформировали в Бенгази временное правительство Ливии во главе с бывшим министром юстиции страны Мустафой Мухаммедом Абдель-Джали-лом. Мятежники объявили **23 февраля** начало марша на Триполи с участием в нем около 5 тыс. ополченцев (дивизии). **2 марта**

мятежники атаковали нефтяной порт Брега и 3 марта атаковали Эль-Агей-лу. 4 марта шли бои за Рас-Лануф, в ходе которого мятежники овладели городом. 5 марта отряды мятежников выдвинулись дальше на запад в направлении Сирта. К исходу дня ими был занят город Бин-Джавад – последний на пути к Сирту. Но овладеть им к концу марта так и не удалось.

6 марта правительственным войскам удалось временно перехватить инициативу и начать контрнаступление на Восточном фронте, где удалось овладеть городом Бин-Джавад. 8 марта ливийская армия атаковала крупный нефтеперерабатывающий центр Рас-Лануф, который неоднократно с 11 марта переходил из рук в руки. 17 марта бои снова велись на окраинах Бенгази – успехи ливийской армии были достигнуты за счет использования танков и авиации. Считается, что взятие ею Бенгази было сорвано из-за выполнения Резолюции СБ ООН № 1973 от 17 марта, санкционировавшей военную интервенцию в Ливию для «защиты ее гражданского населения». Принятая перед этим Совбезом ООН резолюция № 1970, обвинив режим Каддафи в использовании военной силы против своего народа, признала его «нелегитимным».

17 марта Совет Безопасности ООН принял резолюцию № 1973. Основные положения резолюции сводились к прекращению огня и насилия в отношении мирного населения в Ливии; запрету на все полеты над Ливией, кроме гуманитарных полетов и эвакуации иностранцев; санкции на любые действия по защите мирных жителей и населенных ими территорий, за исключением ввода оккупационных войск; замораживанию активов ливийского руководства.

Начало вторжения. 19 марта самолеты французских ВВС нанесли первый удар по ливийской военной технике в окрестностях Бенгази. В тот же день Франция заявила, что военная операция координируется из США. По данным официальных СМИ Ливии, бомбардировкам в том числе подвергся родной город Каддафи Сирт. Жертвами первых бомбардировок НАТО стали многочисленные мирные жители. Вечером Каддафи выступил по телевидению и призвал ливийцев вооружиться и дать ответ агрессорам.

Апрель—май 2011: сложилась патовая военно-политическая ситуация. Ни одна из сторон не могла установить контроль над страной, а условный фронт на востоке Ливии стабилизировался между Аждабией и Брегой. Переходный Национальный Совет Ливии признали 30 государств, в том числе США, Великобритания, Франция, Германия, Италия, Испания, Турция, Катар, Тунис и др.

26—27 мая. Постоянное представительство Ливии при ЕС переходит на сторону ПНС. Россия впервые прямо призывает Каддафи отдать власть.

21 августа. Армия повстанцев начинает штурм Триполи. К вечеру ей удается прорваться в центр города.

20 октября. Ливия под полным контролем сил ПНС. Муаммар Каддафи убит в родном городе Сирт (есть видеозапись, сделанная на камеру мобильного телефона одним из повстанцев).

23 октября. Объявлено освобождение страны от правления Каддафи, начало перехода к демократии.

Сирия

«Арабская смута» докатилась до Сирии лишь в марте: выступления прошли на юге страны (в городе Дераа), а позже на севере (в Латакии). В ответ прошли мощные выступления в поддержку Башара Асада.

Май 2011. Китай призвал мировое сообщество воздержаться от вмешательства во внутренние дела Сирии. Позиция Ирана и России в защиту режима Асада привела к тому, что сирийские оппозиционеры во время демонстрации 20 мая в Хаме сожгли флаги этих государств.

1 августа. В Москве выражают серьезную обеспокоенность в связи с поступающей информацией о многочисленных жертвах. Российский МИД призвал прекратить применение силы против мирных жителей и представителей государственных структур в Сирии.

27 августа началась крупная акция протеста в Дамаске (после утренней молитвы в субботу). Полиция использовала слезоточивый газ и шумовые гранаты. Протестующие стали бросать камни в полицию, в ответ был открыт огонь (убито двое и ранено несколько человек).

12 сентября. Дмитрий Медведев заявил, что Россия готова поддержать резолюцию Совета Безопасности ООН по Сирии, если она будет адресована обеим сторонам конфликта и не повлечет за собой автоматического применения санкций. В ответ сирийские оппозиционеры в городах Хомс и Дераа жгли российские флаги и выкрикивали антироссийские лозунги.

4 октября проект резолюции Совета Безопасности ООН по Сирии, которую подготовили европейские страны, был заблокирован Россией и Китаем, которые воспользовались правом вето. Проект предусматривал санкции, если власти Сирии продолжат подавлять оппозицию.

19 ноября. Объявлено, что работу над созданием проекта новой конституции Сирии завершат до конца 2011 г. Будет закреплён принцип многопартийности: Президента страны будут избирать на альтернативной основе на всеобщих выборах. По-прежнему главой государства сможет быть только мусульманин.

Подождём следующей весны...

Материал подготовил

Дмитрий Сергеевич Медведко,

выпускник факультета ИСАА МГУ,

продюсер международного отдела арабской редакции

спутникового телеканала «Россия Сегодня»

(«Русия аль-Яум»)

Часть I Слово

Л.И. Медведко – немало лет!
Есть новый смысл и в цифровом аккорде:
Одна восьмерка – генеральский эполет!
Ноль, коли приглядеться, – новый орден!
И дай же Бог, чтобы намек не опоздал, -
Достойных награждают по заслугам...
(А сам давно его назвал
Поэтом в сердце и сердечным другом...)

* * *

Вадим Розов

Великий Замысел и злой умысел

Чингиз Айтматов

В начавшемся на переходе двух столетий глобальном противостоянии сил Добра и Зла обе стороны пытаются его освящать именем Бога.

Те и другие, сами того не сознавая, затуманивают Высокий Замысел и продолжают множить злой умысел, который порождает и воспроизводит манкуртов. Терроризм выступает тоже как одно из проявлений этого образа, перенесенного из средневековой эпохи в наше время. Об этом шла речь и в моей повести «Белое облако Чингисхана». Если современное проявление «манкуртизма» пытаются снова «освящать» именем Бога, то в этом случае и самому Творцу начинает отводиться роль антипода как Великого земного, так и Божественного замысла. Об этом я тоже писал в не опубликованной ранее главе романа «И дольше века длится день». Только в постсоветское время она была напечатана под названием «Препоручение Богу».

Претензии глобализма распространяются ныне до соперничества с самим Богом. Злой умысел глобализма проявляется и в стремлении Запада под видом «реформирования» навязать свою волю Востоку.

После того как самый близкий к Центральной Азии и к России Восток стал называться Большим Ближним Востоком, Иерусалим уподобился некоему глобальному «камню преткновения» в силовом продвижении демократии по-американски.

Совместный труд журналистов и ученых-востоковедов в двух поколениях Леонида и Сергея Медведко «Восток дело – близкое. Иерусалим – святое» выходит в год, когда уже более трех лет продолжаются война в Ираке и почти пять лет идет объявленная после 11 сентября 2001 года «глобальная антитеррористическая война». Подумать только – она продолжается дольше, чем Великая Отечественная для Советского Союза и Вторая мировая – для Соединенных Штатов. А главное, что конца ей до сих пор пока не видно.

Для меня, человека, родившегося в Центральной Азии и большую часть своей жизни прожившего сначала в Восточной, а затем в Западной Европе, такое название более чем созвучно. Вполне допускаю, что его вторая часть может и насторожить не только верующих христиан, мусульман и иудеев. Ведь для многих людей, связанных с культурой этих трех религий, Иерусалим каждому по-своему предстает как «дело святое».

Прошло уже более 60 лет с тех пор, как ООН установила для него режим города с международным статусом. Могу предположить, что многовековой спор вокруг Иерусалима с наслывшейся на него не менее острой палестинской проблемой прошлого столетия и стал той глубинной, в чем-то иррационально-мистической причиной разразившейся уже в новом столетии «глобальной войны» террора-антитеррора.

Есть особая роль Правдивого Слова. Оно должно противостоять злему умыслу международного убийственного терроризма. Уже то, что каждая сторона по-своему вызывает к религии, требует глубокого осмысления происходящего. Главный его смысл состоит в глобальной взаимоуязвимости всего, что ныне происходит с людьми и государствами. От террора не застрахованы ни один человек и ни одна страна, ни дети, ни их защитники.

Одного из авторов этой книги, моего давнего друга Леонида Медведко, спасла от «джихада терроризма» лишь чистая случайность. Я это мог бы определить не иначе, как несчастно-спасительное стечение обстоятельств. Он должен был вылететь 10 сентября 2001 года из Москвы в Нью-Йорк (для выступления на Специальной сессии ООН с докладом «Терроризм – угроза детству»). Внезапный инсультный «микроудар» на аэродроме Шереметьево при отлете уберег Леонида от смертельного удара, жертвой которого он мог бы стать. Рядом с рухнувшим на следующий день небоскребом на Манхэттене для него был забронирован гостиничный номер – «с видом на весь Нью-Йорк». Но на следующий день в больничной палате Института неврологии по телевизору он увидел страшное зрелище, за которым с ужасом наблюдал весь мир. Для него не стало большим сюрпризом то, что почти все террористы-смертники оказались выходцами из мусульманского мира, который внезапно стал столь опасно близким даже для Америки. Авторы книги не случайно особо выделили религиозно-цивилизационную составляющую в противоборстве террора-антитеррора. Началось оно сразу вслед за Второй мировой войной далеко от Америки: сначала на Индостанском субконтиненте, а потом на Ближнем Востоке. Сравнительно недавно это противоборство приобрело поистине глобальные масштабы. Насилие и террор могут охватывать души людей, исповедующих разные религии. Возникающие между ними конфликты чаще всего и провоцируют террористические исторжения, подобные «битве под Манхэттеном».

Наглядным примером того, как начинаются и не кончаются подобные войны, могло бы послужить и развитие межрелигиозного конфликта между индуистами и мусульманами в постколониальной Индии. Он возник вокруг знаменитой мечети в городе Аядохья в Центральной Индии. Насколько известно, она была построена в XV веке нашим ферганским соотечественником Бабуром. Тем самым Бабуром, который не только писал стихи, но и создал империю Великих Моголов в Северной Индии. Мечеть эта простояла гораздо дольше, чем нью-йоркские небоскребы Манхэттена.

Но вот в конце уже XX века вспыхнул вдруг спор. Поначалу индуисты стали утверждать, что эта мечеть построена на том месте, где когда-то якобы родился бог Рама – герой эпоса Рамаяна. Была ли эта личность историческая, достоверно неизвестно. Археологических подтверждений места его рождения, во всяком случае, не найдено. Но миф оказался сильнее и агрессивней реальностей. В ходе разразившегося конфликта мечеть была разрушена. На ее руинах и начались взаимные убиения, принявшие форму взаимного терроризма. Это повлекло за собой беспорядки и погромы в Бомбее.

Спрашивается, где здесь здравый смысл и как его отделить от Высокого Замысла или злого умысла? Неужели нельзя было достичь взаимопонимания без разжигания взаимовражды и терроризма?

Нечто подобное ныне происходит и на Ближнем Востоке. Но на этот раз – уже не только между палестинскими арабами и израильскими евреями, но и разными мирами. Каждая сторона продолжает проявлять там свой неукротимый эгоизм и экстремизм. Они способны нести

людям только муки, страдания и жертвы. И эта война на Святой земле может длиться дольше века...

Для меня, например, Восток никогда не был ни «делом близким», ни, тем более, «делом тонким». Он был и остается для меня родным. Для современной России и стран СНГ «расширенный Большой Ближний Восток», в границы которого включены Вашингтоном без их спроса вся Центральная Азия и Южный Кавказ, безусловно, стал зоной опасности. После громких событий во Франции и в ряде других европейских стран, которые разворачивались на моих глазах, я мог воочию убедиться, что Восток для Запада тоже становится более близким и взрывоопасным. В этих событиях проявляется мучительный процесс их притирания.

Что касается Иерусалима, то этот Вечный город, называемый «Святым» (по-арабски – «Аль-Кудс»), недаром на протяжении всей его длительной истории был и остается вечным «яблоком раздора». До сих пор этот раздор все еще продолжается. Может быть, именно нерешенность исторического спора между иудеями, христианами и мусульманами – для кого из них Иерусалим является более святым – и стала одной из главных причин не только «самого длительного конфликта века» на Ближнем Востоке, но и потрясений на Кавказе. В Западной Европе немало эмигрантов, бывших «революционеров» и «воинов Аллаха». Один из них мне говорил, что если Саддам Хусейн шел освобождать Иерусалим через Кувейт, то и чеченские боевики тоже могут держать путь в Иерусалим через Буденновск или Москву...

Именно из нерешенной проблемы Иерусалима «выросли ноги» теперешней, как ее назвали за океаном, «глобальной антитеррористической войны». Не здесь ли стоит искать и корень противостояния Запада и Востока, террора и антитеррора? На этот и другие вопросы читатель сможет найти в книге убедительные ответы, не только аргументированные фактами истории, но и подкрепленные личными наблюдениями и раздумьями ее авторов.

За более чем полувековой срок своей журналистской и научной работы у отца и сына Медведко, Леонида и Сергея, которые все это время тесно были связаны с Ближним Востоком, накопилось много особого рода исторических знаний. Наверное, их хватило бы не на одну книгу. Недаром старший из них, представляющий поколение отцов, называет себя «ровесником» ближневосточного конфликта. Меня с ним связывает многолетняя дружба. Она зародилась сорок лет назад на Ближнем, все еще «бурлящем Востоке». Кажется, под таким названием выходила в 1980 году его книга. Как и его предыдущая монография «К востоку и западу от Суэца», она стала потом политическим бестселлером. По этой и другим его книгам училось не одно поколение востоковедов. С тех пор «анатомия» Ближнего Востока значительно изменилась. Как говорится, держи руку на пульсе, авторы в своей книге главный акцент делают не столько на привычном для нас социально-классовом аспекте, сколько на религиозно-цивилизационной составляющей «глобальной войны».

Это – особого рода война. Силы в ней неравные. Во многом – несопоставимые. Но главная ее особенность (и опасность) кроется в сакрализации самой такой «войны». Обе стороны пытаются «освятить» ее именем Бога. Международный терроризм пускает ныне в ход свое дьявольское оружие массового устрашения. Жертвами его становятся не только шахиды-смертники, но и гибнущие ни в чем не повинные мирные люди. Они гибнут как от «священной войны» (джихада-терроризма), так и от ответных возмездных ударов сил антитерроризма (операция «Шок и трепет»). Как в войнах раннего Средневековья, теперь они снова освящаются именем Бога.

Приводимый в книге пример, как в сирийской деревне Маалюля был разрешен спор христианина с мусульманином, что было раньше – Слово или Дело у Бога, удивительным образом перекликается с древней мудростью киргизско-казахского фольклора: «Слово выпасает Бога на небесах. Слово доит молоко Вселенной и кормит нас тем молоком вселенским из рода в род, из века в век. И потому вне Слова, за пределами Слова нет ни Бога, ни Вселенной – и нет в мире силы такой, превосходящей силу Слова, и нет в мире огненного пламени, превосходя-

щего жаром пламя и мощь Слова». Но оно способно «выпасать Бога», если в него вкладывается высокий смысл (Замысел), а не злой умысел, рождающий «каинов грех». По Корану, этот грех не первородный, а первоубийственный. Теперь такой грех многократно приумножается в несвященной «войне» террора-антитеррора.

Невиновные люди оказываются в ней заложниками смерти. Они принимают ее как от террористов, так и от сил антитерроризма. В таком противостоянии Восток становится столь же близко-опасным для Запада, как и Запад – для Востока. Ничто уже не мешает сойтись им лицом к лицу с врагом в такой войне «всех против всех». Как говорится в Коране, смерть одного невинного человека равноценна гибели всего человечества. Если это так, то продвижение такой ценой к свободе и демократии по западному образцу может привести к гибели самой человеческой цивилизации. Вряд ли это может свершаться по «воле Аллаха, Милостивого и Милосердного», соответствовать Высокому Замыслу и Божественной Эманации.

Как же могло случиться, что Высокий Замысел все труднее стало отличать от злого умысла именно на Библейских землях, колыбели трех религий?

Поиску возможных ответов была посвящена одна из международных конференций ЮНЕСКО на Иссyk-Куле «Евразия XXI: диалог культур или конфликт цивилизаций?» (работой одной из секций этой конференции руководил профессор Л.И. Медведко). В его книге эти проблемы рассматриваются не столько через призму межкультурных отношений, сколько противостояния различных культур – «культуры мира» и «антикультуры войны». Теперь они противостоят друг другу не только под религиозными лозунгами.

Нередко этому способствует силовое «утверждение свободы» и «продвижение демократии».

В конце прошлого века известный английский ученый Арнольд Тойнби, предвосхищая неясные перспективы наступившей эпохи глобализации, писал: «Будущий мир не будет ни западным, ни незападным. Он унаследует все культуры, которые мы заварили в одном тигле». После того как Запад возвел свои «строительные леса» из достижений науки и высоких технологий, международного права и принципов демократии, другие цивилизации, по предсказанию Тойнби, тоже будут стараться внести свои какие-то коррективы. В таком случае глобализация должна предстать как сопрягающее взаимодействие различных цивилизаций в их информационном и духовном взаимообогащении.

В колониальную эпоху Редьярд Киплинг провозгласил: «Запад есть Запад, Восток есть Восток». Но само евразийское положение России заставляло выработать инстинкт самосохранения – не противопоставлять себя ни Западу, ни Востоку. Теперь Евразия стала другой по обе стороны от Каспия и Черного моря, от Урала и Кавказского хребта. Другими стали теперь и Европа, и Азия.

Человечество не может допустить, чтобы злой умысел, будь то в региональном или в глобальном масштабах, мог бы взять верх над вселенским Высоким Разумом!

«Слава богу, его не задело!» (Слово о Леониде Ивановиче Медведко)

Е.М. Примаков, академик РАН

Говорят, что с годами все ярче вспоминаешь прошлое. Часто в мельчайших деталях. Прочувствовал и я это в полной мере, когда начал писать о Лене Медведко.

Далекie шестидесятые годы – почти половина века назад. Леонид Медведко – корреспондент ТАСС в Дамаске, я – корреспондент «Правды» в Каире. В Сирии 23 февраля 1966 года произошел кровавый переворот. Получив задание из редакции, я всеми правдами и неправдами – граница была наглухо закрыта – очутился в сирийской столице. Первое, что сделал, – отправился к Леониду Ивановичу. Еще с институтских времен нас связывали дружеские чувства. Но тогда цель моего посещения была связана не только с желанием выразить радость встречи, но и убедиться, что с ним все в порядке.

Дело в том, что в Каире были уже наслышаны, что он из окна своего офиса, да еще стоя на приставленной лестнице, чтобы лучше видеть сверху, фотографировал бой на улице, и один из разгоряченных участников боя выпустил по нему автоматную очередь. Леня успел соскочить с лестницы, и, слава богу, его не задело.

Пришел я к нему, чтобы получить объективные данные об обстановке. Он славился среди нас, корреспондентов, освещающих события на Ближнем Востоке, тем, что всегда владел информацией, позволяющей разобраться в бурных событиях, захлестнувших регион.

Были вместе в Дамаске. Работали бок о бок и во время войны 1967 года. Но, естественно, не только общая работа за рубежом, а потом в редакции газеты «Правда» связывала нас.

Вспоминаю долгие вечера, подчас и застолья уже в Москве, когда собирался наш «клан арабистов». Многие из них, пройдя журналистскую школу, хорошо подготовленными ушли потом в науку. Высказывались различные мнения, бывали и споры, но никогда даже радикальные несогласия друг с другом в понимании и трактовке событий не разводили нас по разные стороны баррикад.

Леонид – один из тех, кто спланивал ближневосточную братию и, в отличие от многих, во всей сложности представлял ситуацию на Ближнем Востоке не только в черно-белых красках.

К тому же он всегда дорожил дружбой со всеми арабистами вне зависимости от их взглядов. На своем 50-летнем юбилее Леня, помню, произнес слова: «Мои друзья – мое богатство!»

За все эти годы Леонид Иванович Медведко достиг многих званий и чинов. Не буду их перечислять. Рад, что и после 80-летнего рубежа он по-прежнему высокопродуктивен, широко востребован, интересен и как исследователь, сочетающий научную аналитику с легкостью пера, и как человек, познавший арабский мир и в теории, и в многосторонней практике.

Я – один из тех, кто дорожит многолетней дружбой с этим талантливым человеком.

Грани и орнаменты творческой жизни

*А.З. Егорин,
доктор исторических наук, профессор, академик РАЕН, руководитель Международного центра «Российско-арабский диалог»*

Юбилеи после полувекового рубежа отмечаются с двояким чувством. Даже если кому-то суждено «лет до ста расти нам без старости», все равно закрадывается тревожная мысль: неужто уже прожита большая часть жизни? Писателю и публицисту, поэту, переводчику и военному историку, тюркологу и арабисту, доктору исторических наук, академику РАЕН и члену многих других российских и международных академий Леониду Ивановичу Медведко, как ныне говорят, посчастливилось перевалить через «среднероссийский возраст мужчины». Ему исполнилось аж 80 лет! Это много и мало, судя по тому, сколько он успел достичь за свою длинную и всегда кажущуюся короткой жизнь.

В чем-то наши судьбы оказались схожими с путями-дорогами многих наших сверстников, «нежный возраст» которых выпал на годы Отечественной войны. Повоевать тогда мы не успели, но поносить погоны на мальчишеских плечах довелось. Правда, мы, суворовцы, уже тогда были приписаны к военному ведомству, а «спецов» из артшкол Москвы (одну из которых окончил Леонид) называли «фитилями», служившими в «потешных войсках Наркомпроса». Пороха на фронтах в годы Великой Отечественной нам не довелось понюхать. Зато успели потом познать, что такое «холодная война погорячее» на Ближнем Востоке и в Африке. Он – в Сирии и Ливане, я – в Египте и Ливии. Самим стрелять не приходилось, но попадать там в перестрелки и под бомбежки доводилось не раз.

Уже в годы учебы в Московском институте востоковедения Леонид успел проявить себя как поэт-переводчик турецкой и французской поэзии. По окончании института, как считали в те годы, ему повезло. По линии Главного разведывательного управления Генштаба его сразу направили работать переводчиком аппарата военного атташе при посольстве СССР в Анкаре, а затем сотрудником Генконсульства в Стамбул. В Анкаре его непосредственным начальником стал бывалый разведчик генерал-майор Николай Петрович Савченко. До войны он работал

в Афганистане, в совершенстве владел персидским и дари, был участником Великой Отечественной. В последние годы жизни он возглавлял один из отделов Института востоковедения РАН. В Стамбуле Леонид работал под началом тоже не менее бывалого военного разведчика, вице-консула Михаила Ивановича Иванова. Он тоже успел повоевать на крайнем Западе – в Испании, а потом – на Дальнем и Ближнем Востоке – в Китае, Японии, Турции и снова в Японии.

По возвращении из командировки Леонид несколько лет занимался литературным трудом и преподаванием турецкого языка. Заодно он совершенствовал знание арабского с помощью фронтовика-арабиста, своего друга профессора В.Э. Шагаля. В годы Великой Отечественной войны он тоже успел повоевать на Западе и на Востоке, освобождая от фашизма сначала Германию и Венгрию, а потом – Маньчжурию и Корею.

За свою творческую жизнь юбиляр написал немало журналистских и публицистических статей. Из-под его пера вышли монографии: «Ветры перемен в Персидском заливе» (1973), «К востоку и западу от Суэца» (1982), «Мины под оливами» (1984), «Этот Ближний бурлящий Восток» (1985), «Именем Аллаха» (1986), «Седьмая ближневосточная война» (1993) и др. В них автор не побоялся взять творческий скальпель, чтобы «анатомизировать» животрепещущие проблемы бурлящего, ныне «Расширенного Ближнего и Среднего Востока».

Сбылись, к сожалению, самые мрачные прогнозы Леонида Медведко. Военная сила на Ближнем Востоке, возведенная в культ, стала все больше оттеснять политические и иные ненасильственные формы разрешения конфликтов на второй план. Наверное, это и подвигло нашего юбиляра подготовить фундаментальный труд «Россия, Запад, ислам: столкновение цивилизаций?» (2003), дополнив его подзаголовком: «Миры в мировых и других войнах на разломе эпох». В нем Леонид Медведко одним из первых попытался, используя цивилизационный подход в сопряжении диалектики и синергетики, рассмотреть противоречивые итоги войн XX века с использованием современной методологии и футуросинергетики, чтобы научно объяснить природу и феномен международного терроризма. У автора герои – это боги и пророки, и циклы, и ритмы в Природе и обществе, и «свобода без границ», и «войны без правил» – подводят свою некую «бухгалтерию абсурда и хаоса» для «детей планеты XXI века». Ближнему Востоку, российскому востоковедению и его головному Институту востоковедения РАН, отметившему в 2008 году свой 190-летний юбилей, он сохраняет верность уже более шести десятилетий. Работая в газете «Правда», он, как говорится, без отрыва от производства закончил заочную аспирантуру и в 1972 году защитил в Институте востоковедения кандидатскую диссертацию «Персидский залив после ухода Англии». Докторскую диссертацию «Военно-политические итоги арабо-израильских войн 1967 и 1973 годов» он защищал в Институте военной истории, но тема ее, можно сказать, разрабатывалась и апробировалась тоже в Институте востоковедения. Под его научным руководством защитили кандидатские диссертации многие соискатели из России, стран СНГ, Египта, Ливии, Сирии, Объединенных Арабских Эмиратов. Не одному десятку ученых он оппонировал или рецензировал их работы. Многие его подопечные сами стали потом маститыми учеными. Одни из них служат слову и делу востоковедения, не покидая Москвы, другие – в странах не только «ближнего», но и не столь далекого зарубежья.

Леонид оставался верен востоковедению и после того, как повторно был «мобилизован и призван» служить в Центральном аппарате ГРУ уже не в роли военного переводчика, а одним из ведущих аналитиков и создателей специальной группы оперативного слежения за беспокойной обстановкой не только на Ближнем и Среднем Востоке, но и в других «горячих» районах мира в последние годы холодной войны.

Все перипетии и переживания, связанные с тем периодом своей жизни, описаны (в соавторстве со своим сыном Сергеем Медведко) в их мемуарно-историческом повествовании «Восток – дело близкое, Иерусалим – святое» (2009). Предисловие к этой книге написал все-

мирно известный писатель Чингиз Айтматов. Они были не только сверстниками и коллегами по совместной журналистской и общественной работе, но и духовно близкими людьми, чувствующими свою кровную и культурную близость как с Востоком, так и с Западом.

Время работы в ГРУ пришлось на пик военно-политических «разборок» НАТО и Варшавского договора. На Ближнем Востоке шли нескончаемые войны между арабским миром и Израилем, да и между самими арабскими странами. Москва тогда предпочитала, конечно, крепить «нерушимую дружбу» с арабскими прогрессивными силами и странами «социалистической ориентации». Нам, журналистам, приходилось тогда немало писать, импровизировать, анализировать, что-то прогнозировать. Работали денно и ночно – благо, все мы были молодыми, задорными, здоровыми и «идейно устойчивыми», хоть сейчас над этим и иронизируют.

Статьи Леонида Медведко часто тогда появлялись в центральной прессе, да и сам он время от времени появлялся на телевизионных экранах. Мы встречались то в Доме журналистов, то в Доме литераторов. Вдруг мы заметили, что Леонид куда-то исчез. Оказалось, он был «отозван» куда-то в закрытую организацию, как позже выяснилось, в информационную группу ГРУ. Там он возглавил дежурную группу оперативного слежения и анализа военно-политической обстановки, готовя к каждому утру срочную информацию для «самого верха». Работа была круглосуточной, не прекращавшейся ни на минуту. Дежурство затянулось на 13 с лишним лет, до 1984 года. Параллельно он находил еще время заниматься в докторантуре Института военной истории Министерства обороны СССР. После защиты там докторской диссертации он «ушел в запас» по возрасту. Ушел с правом ношения погон, которые он и до этого, кроме как на службе, никогда не носил.

За все свои труды он удостоился более 20 правительственных наград. Надо отдать должное тем, кто в когда-то молодом военном переводчике разгадал перспективного способного работника «умной службы», сочетавшего в себе качества вдумчивого аналитика, умеющего уловить главное из всего потока событий и сбивающей иногда с толку «закрытой» информации. Самое важное, что я выделил бы в нем, – это еще и его идеологическую стойкость, не передозированную ни ортодоксальным марксизмом, ни западным либерализмом. Это, наверное, и позволило ему в поствоенные годы создать, скажем прямо, свои заметные в науке и публицистике работы.

Мне лично импонируют его вдумчивый подход к разрабатываемой им тематике, размах его обобщений, сохраняемая им преданность Востоку, истинная любовь к Родине и озабоченность будущим России. В самом деле, на основе собственных наблюдений и выводов, сделанных по итогам Второй мировой и холодной войн, он выработал свой особый взгляд на феномен «войны неведомого поколения». В монографии «Россия, Запад, ислам: столкновение цивилизаций?» он выдвинул свою концепцию национальной, государственной (внутренней) и геополитической (внешней) безопасности России. Эта идея получила потом дальнейшее развитие в коллективном труде с его участием «Исламизм и геополитическая безопасность России», подготовленном Главным командованием внутренних войск МВД и Институтом военной истории МО РФ (2008). Иными словами, бывший военный разведчик, полковник в отставке Л.И. Медведко по-прежнему продолжает чувствовать себя в строю. Его книги читаются и используются как учебники в высших учебных заведениях

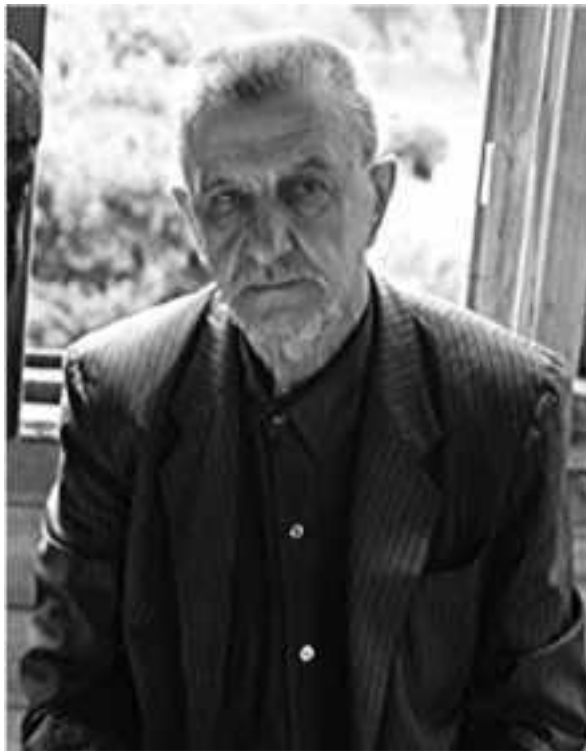
России, в частности в МГИМО, ИСАА при МГУ, Военном университете МО РФ, в нашем Институте востоковедения. По ним учились и учатся несколько поколений ученых, дипломатов, разведчиков. Да и в его собственной семье за эти годы вслед за ним выросло еще два поколения арабистов.

Символично, что его собственный юбилей совпал с 90-летием нашей военной разведки и 190-летием Института востоковедения. Он имеет полное право, перефразируя слова, сказанные ему в Каире известным писателем, в прошлом тоже военным разведчиком Героем Совет-

ского Союза Владимиром Карповым, говорить: «В востоковедение, как в разведку, приходят один раз, но на всю жизнь».

Что же касается возраста и относящегося к нему круглого юбилея, то пожелаем Леониду Ивановичу Медведко измерять и отмечать их не только годами, но и появлением многих еще новых своих «главных трудов». Продолжать отстаивать и продвигать сформулированную им в «Литературной газете» «триаду» российской Национальной Идеи как служение Отечеству (которое есть), верность Родине (которая была и продолжает утверждаться в Евроазиатской интеграции), сохранение в душе Любви и к своей семье, и к Матушке-Земле. По-прежнему оставаться верным своему жизненному кредо – Слову, Делу и заложенному в них высокому Смыслу.

Под «крышей» ТАСС и дома своего

Ю.К. Тыссовский, востоковед

Всем известное в Москве здание ИТАР-ТАСС выходит своими окнами не только на Тверской бульвар. Мне оно открыло дорогу в арабский мир и регион, называемый ныне Большим Ближним Востоком, и стало на долгие годы родным домом. Здесь я овладел особой профессией, называемой тассовской журналистикой – немногословной, краткой и емкой по содержанию. Из отданных ей более 30 лет жизни ни об одном дне работы в ней я никогда не жалел и не жалею.

Для кого-то ТАСС, может быть, и «крыша», для меня же его стены стали родными. Работа в ТАСС помогла мне к тому же обрести кроме профессионального и богатый жизненный опыт. И здесь нельзя не вспомнить моих наставников, учителей и коллег. С ними не раз пересекались потом жизненные пути. Многие годы возглавлял нашу Редакцию стран Ближнего Востока, Среднего Востока и Северной Африки Александр Игнатьевич Ступак. Он был одним из первопроходцев советской дипломатии на Аравийском полуострове еще в начале 20-х годов прошлого столетия, а потом стал патриархом журналистики. Человек энциклопедических знаний с уникальной способностью управлять разноликим коллективом, состоявшим к тому же не только из профессиональных журналистов.

Нечего скрывать, ТАСС часто был и «крышей» для прикомандированных к нему работников разных специальных служб и ведомств, которых мы называли «чужаками» или «соседями». Поэтому время от времени в Редакции появлялся очередной новый человек, который застенчиво сообщал нам, что перевелся в ТАСС из неведомого «издательства словарей» или чего-то в этом роде. Мы между собой таких и называли «словарями». Но в большинстве своем это были специалисты с прекрасной подготовкой – и страноведческой, и языковой. Однако журналистских навыков у них явно не хватало. Этот недостаток в той или иной мере, в зависимости от способностей человека, преодолевался достаточно успешно за время стажировки

в Редакции. В конце стажировки размежевание на «своих» и «чужих» само собой исчезало, отношения строились сугубо на добрососедской и товарищеской основе. Некоторые из них становились потом выдающимися журналистами и учеными.

Среди них особо выделялся хорошим знанием языков и литературы Леонид Медведко. Когда он уехал за границу, мы стали называть его «нашим человеком в Дамаске». Ближе я познакомился с ним в 1965 году, когда меня в качестве стажера перевели набираться опыта из Каирского отделения ТАСС в Дамасский корпус.

Леонид сразу показался мне достаточно жестким руководителем. После моего приезда он встретил меня словами: «В Египте, говорят, ты хорошо поработал, посмотрим, что у тебя получится в Сирии. Здесь, за всеми этими баасистскими переворотами, не очень-то разгуляешься». Мои амурные похождения в сирийской столице он воспринимал снисходительно, с учетом моего тогда холостяцкого положения. Но не забывал при этом напоминать, что «свобода твоя – это осознанная необходимость. Потехе – час, а делу надо отдавать все остальное время». Потом я узнал, что Леонид не был арабистом в прямом смысле слова. Своими востоковедными корнями он уходил в тюркологию, не забывал переводить турецкую литературу и совершенствовать знание арабского. Наверное, здесь помогало то, что Леонид был неисправимым трудоголиком. Каждый божий день он засиживался в кабинете допоздна, всегда был генератором разного рода идей. У него помимо всего прочего сложился обширный круг «источников» в сирийской среде, что помогало ему свободно «плавать» в турбулентном политическом море этой страны.

А еще Леонид был великолепным семьянином. Вдали от Родины, говорил он, главная опора – это семья, она и за границей первая ячейка государства. Да и спутница его жизни Елена Яковлевна Калиникова была тоже во многом под стать супругу. В моих глазах она являла идеал хранительницы семейного очага. Кроме того, Лена была еще и кандидатом филологических наук, известным ученым, стала автором нескольких книг по англоязычной литературе Индии. У этой красивой пары выросли, можно сказать, в Дамаске и двое прекрасных детей: Сережка, теперь уже Сергей Леонидович, и дочь Ольга, подарившие им не только четырех внуков, но уже и двух правнуков. Под крышей, как он сам говаривал, «Леонидова большого гнезда» подрастает новое поколение: уверен, достойное прародителей.

«Эмиссар Кремля дает старт»... дипотношениям с Королевством Иордания

Б.Г. Уронов, ветеран ТАСС и ГРУ

Когда в разговоре или в печати упоминается имя Леонида Ивановича Медведко, мне всякий раз интересно узнать, что он думает по тому или иному поводу. В моем понимании его глубокий анализ происходящих в мире событий представляется убедительным и ясным. Это не комплимент в адрес юбиляра. Да и зачем льстить тому, кто заработал свой научный авторитет благодаря таланту и высокому чувству долга!

Мы знакомы с ним со времени совместной работы в ТАСС в 1960-х, когда он начал свою журналистскую деятельность в качестве корреспондента в Сирии и Ливане. Меня, тогда сотрудника Ближневосточной редакции, ориентировали на работу в Иордании, с которой Советский Союз в августе 1963 года только что установил дипломатические отношения. Листаю справочные материалы по этой стране, и вдруг – знакомое лицо на фотографии в лондонской «Таймс»: Леонид Иванович склонился над гоночной машиной, за рулем которой ныне покойный король Иордании Хусейн Бен Талал. Под фотографией интригующая подпись: «Эмиссар Кремля дает старт иорданскому королю». Позже из «почтовки» я узнал, что «эмиссар» посетил Амман и встретился с королем Хусейном еще до установления дип-отношений между нашими странами. В этой связи даже высказывалось предположение, что эта встреча явилась предвестником принятия окончательного решения Кремля о налаживании официальных отношений с Иорданией.

Направляясь весной 1964 года в Иорданию через Дамаск (прямого воздушного сообщения между Москвой и Амманом в то время еще не существовало), я волей-неволей должен был задержаться на неделю в сирийской столице в ожидании запрошенной через советское посольство иорданской въездной визы. Все эти дни проводил в корпункте ТАСС, которым руководил Л.И. Медведко. На улицах Дамаска шли постоянные демонстрации в поддержку очередного руководства страны, так что знакомиться с достопримечательностями города возможности не

было. Может быть, это и к лучшему – представился случай поближе познакомиться с работой моего коллеги и поучиться у него.

Стиль работы Леонида Ивановича просто завораживал своей целеустремленностью, умением сосредоточить внимание на главной теме дня и в конечном итоге подготовить краткую, но емкую по содержанию «тассовку» для передачи в Москву. Порой приходилось обрабатывать довольно объемные материалы. Выручала журналистская сноровка, умение быстро уловить суть текста и, проанализировав его, сопоставив с накопленными данными картотеки, которая имела в корпункте, подготовиться к диктовке по телефону в ТАСС.

Одной из характерных черт юбиляра была настойчивость. Он не боялся трудностей, которые так и норовили выбить из нормальной колеи, нарушить установившийся ритм работы.

Вспоминается рассказ Медведко о том, как по договоренности с одним издательством он взялся переводить с турецкого (это один из трех его рабочих иностранных языков) какую-то книгу. Поставил перед собой задачу переводить каждый день по одной странице, чтобы уложиться в согласованные с издательством сроки. Не всегда это удавалось из-за занятости на основной работе. Тогда, чтобы войти в график, на следующий день, а то и через 2-3 дня приходилось сидеть ночами за машинкой, наверстывая перевод из-за «вынужденного безделья».

Так выработывался характер и стиль работы этого человека, в основе которого лежали трудолюбие, реалистичный подход к оценке собственных возможностей и жесткий самоконтроль.

Именно годы работы в Дамаске сформировали Медведко как «ближневосточника». Его специализацию определило жаркое лето 1967 года. Обстановка в отношениях между арабскими странами и Израилем крайне накалилась – дело шло к войне. В своих «почтовках» в ТАСС, анализируя выплескивающиеся на страницы печати взаимные обвинения сторон, высказывания официальных лиц и реальные шаги военных, Леонид Иванович делал однозначный вывод – вооруженное столкновение на Ближнем Востоке неизбежно. Не мог он предположить только то, что война закончится плачевно для арабских стран всего за шесть дней.

В то время постоянно аккредитованных в Сирии иностранных журналистов было только двое – корреспонденты ТАСС и Синьхуа. В предчувствии «горячего» сюда начали слетаться журналисты. Среди них вездесущий, «хорошо информированный», подружившийся с Леонидом француз Эрик Руло. Имя его в печати всегда ассоциировалось с матросским кличем «полундра» – жди взрыва.

Активизировались стрингеры. Так или иначе, но с началом войны сирийские власти полностью лишили связи всех иностранцев, включая и корпункт ТАСС. Леонид Иванович все же нашел выход – свои передачи о происходящих событиях он вел по телефону из советского посольства.

Дамасский аэропорт был выведен из строя израильской авиацией в первые часы войны, в столице действовал комендантский час. Информацию приходилось черпать из официальных сводок сирийского военного командования, разбавляя ее комментариями, которые он делал на основе материалов, добытых через свои источники. Но и здесь надо было проявлять определенную осторожность, соблюдая «рамки дозволенного», чтобы не обострить в целом хорошие отношения с властями. Основная же информация о происходящих событиях с их анализом и прогнозами уходила в «почтовках», переправлять которые в Москву удавалось с большим трудом.

В основе того, что большинство прогнозов Леонида Ивановича в последующем находило подтверждение, лежало его глубокое знание обстановки. Он понимал тенденции ее развития, учитывал политику западных государств на Ближнем Востоке, главной целью которых было сохранение своих интересов в этом стратегически важном для них регионе.

Позже, уже в качестве спецкора «Правды», Медведко неоднократно посещал арабские страны. Заезжал и в Иорданию, где встречался не только с королем, но и с набиравшим силу и

авторитет лидером палестинской организации «Фатх» Ясиром Арафатом. Вспоминается наша совместная поездка в 1968 году в составе сопровождавшей премьер-министра Иордании Бахджата Ат-Тальхуни группы журналистов на север страны, где израильская авиация разбомбила небольшую иорданскую деревеньку. Развороченная прямым попаданием ракеты пещера, в которой укрылись от бомбежки женщины и дети, трупы погибших мирных людей, разрушенные дома... Яркую зарисовку увиденного, сделанную Л.И. Медведко, опубликовала «Правда». Его репортажи в те далекие дни не сходили с газетных полос.

Опыт, приобретенный Леонидом Ивановичем в годы его журналистской работы в странах Ближнего Востока, сослужил ему добрую службу. На этот раз в научной карьере. Работа в ряде аналитических и научно-исследовательских центрах, в Институте Африки, а затем в Институте востоковедения, его кандидатская и докторская диссертации окончательно закрепили за ним авторитет одного из ведущих в России специалистов по проблемам Ближнего Востока. Неизменно, когда наши политологи, выступая на различных международных конференциях или в телевизионных дебатах, затрагивают тему ближневосточного кризиса, на экране нередко можно видеть и ведущего научного сотрудника Института востоковедения Леонида Ивановича Медведко. Его комментарии чаще всего вносят коррективы и ясность в итоговые оценки участников. Серьезным вкладом в понимание этих проблем стали написанные им книги «Ветры перемен в Персидском заливе», «К Востоку и Западу от Суэца», ряд других исследований и разработок.

Тема Востока и Запада, видимо, еще долго будет будоражить умы политиков. Ближний Восток продолжает бурлить: то Ливан, то Газа и Западный берег Иордана, то Ирак и Курдистан. В любом случае для выработки взвешенной позиции руководство нашей страны нуждается в трезвой, а также в правильной, базирующейся на всестороннем анализе оценке ситуации. Большая, если не главенствующая роль отводится мнению специалистов по проблемам этого беспокойного, а точнее сказать, взрывоопасного региона. К плеяде таких специалистов относится и Леонид Иванович Медведко.

Икра для короля: свидетельства очевидцев

Д.В. Осипов, журналист, писатель

«Дворец был скромный, без роскоши. Когда гвардейцы-черкесы с серебряными газырями и кинжалами отворили дверь в личный кабинет, а король вышел нам навстречу, он показался нам совсем мальчишкой, хотя мы знали, что ровесники с ним – каждому из нас троих было около тридцати. Небольшого роста, подвижный, Хусейн сразу очаровал нас своей знаменитой радушной, но всегда чуть-чуть задумчивой улыбкой».

Таким Леонид Медведко, в 1960-х корреспондент ТАСС на Ближнем Востоке, запомнил короля. Летом 1963 года он и светлой памяти корреспондент «Известий» Константин Вишневецкий были первыми советскими людьми, переступившими порог дворца Хусейна.

«Король был в европейском костюме и в галстуке. Я тоже был в галстуке, а Костя, как человек богемного склада, был одет без протокола – с распахнутым воротом. Хусейн сказал, что мы отправимся обедать в его загородную резиденцию, а затем, извинившись, вышел в соседнюю комнату. Когда король снова вошел, мы ахнули – он уже был без галстука, преобразил свою внешность в пандан богемному коммунисту Вишневецкому. Снаружи нас ждала открытая машина. Король отогнал охранника и сам сел за руль, а меня пригласил сесть рядом на переднее сиденье. Я сел – и вдруг ощутил под ногами что-то твердое. Посмотрел: лежит автомат прогнанного охранника. В течение всей поездки жизнь короля была полностью в моих руках».

«На улицах прохожие, увидев короля, останавливались и аплодировали. В самом центре города женщина с двумя детьми уже было ступила на мостовую, чтобы перейти улицу, но увидела нашу машину и замешкалась. Хусейн затормозил и знаком показал ей, чтобы переходила. Возможно, в его поведении было нечто театральное, но все равно нас эта поездка поразила по контрасту с нашей страной, где правительственные авто любого ранга мчатся сломя голову и упаси бог оказаться у них на пути!..»

«После часа езды мы достигли одинокой двухэтажной виллы в пустыне, где на страже тоже стояли черкесы. Вилла, как и дворец, не поражала роскошью. Прислуги почти не было видно. Нас встретила королева Муна, симпатичная милая женщина, явно на последнем сроке беременности¹. Стол уже был накрыт. Подносил яства слуга, а королева расставляла их на столе и предлагала гостям. И вдруг появилась икра – точь-в-точь как в голливудских фильмах о России: большая миска черной икры с воткнутыми ложками! Мы прямо-таки застыли, и вот почему. Дело в том, что, собираясь на встречу с королем, мы захватили “на всякий случай” баночку икры. Костя хотел взять еще и бутылку водки, но я его отговорил: с водкой к королю – неприлично! А икру – мы решили: если будет удобно, поднести; она лежала у Кости в кармане. После появления миски наша банка, разумеется, смотрелась бы просто смешно. И вдруг я с ужасом вижу, что Костя лезет в карман. С ума сошел! Он вынимает банку и говорит: “Вот, ваше величество, у нас было намерение сделать вашу королевскую трапезу разнообразнее...” Это было так обезоруживающе откровенно, что обстановка сразу стала весьма непринужденной».

«Разумеется, беседа касалась в основном политики, причем Хусейн согласился, что монархия – несовременная форма правления. При этом он не без ехидства заметил: но почему-то после свержения монарха к власти часто приходят режимы еще более тиранические и проливают моря крови. Король также сокрушался, что его страна так несправедливо лишена природных богатств. “Ведь на Ближнем Востоке, где ни копни, всюду нефть! Я – потомок Пророка, земля эта священна, выделена нам Богом, не может быть, чтобы в Иордании не было нефти!”

Он даже высказал предположение, что причина – в заговоре западных нефтяных монополий, которые не хотят открывать дополнительные месторождения, чтобы не сбивать цены. “Поэтому, – сказал он, – я хотел бы, чтобы сюда приехали ваши геологи и тоже посмотрели».

Гости задержались у короля до вечера. В ресторане отеля их ждали брат короля, несколько крупных сановников и западных дипломатов. «Все они начали выпытывать, о чем мы говорили с королем. Особенно старался начальник дворцовой канцелярии. Мы поняли, что здесь собрались представители разных политических группировок и зарубежных разведок. Разумеется, мы отшучивались шутками. Виски лилось рекой. Костя не отказал себе в удовольствии после этого потанцевать с девушками-танцовщицами».

«На следующий день мы были приглашены на военный аэродром, где происходили автогонки, в которых участвовали иорданские гонцики, представители дипкорпуса и сам король. Он встретил нас очень оживленный, в спортивном костюме. Начальник канцелярии решил пошутить: “Мы вчера провели с гостями хороший вечер и убедились, что никакие они не коммунисты, а самые настоящие плейбои”. В ответ я тоже пошутил: “Ваше величество, у меня для вас есть еще более интересная новость. Вчера мы изложили вашему начальнику канцелярии основные принципы коммунизма, и он почти со всеми согласился”. Я даже удивился, как сильно тот вдруг побледнел. Король же громко расхохотался: “Ну вот – теперь у вас есть проводник вашей политики в Иордании!” После этого он сел в свою машину. У меня в руках была газета, я свернул ее в трубку и, сделав вид, что даю ей, как флажком, старт гонкам, пожелал королю победы. Когда я вернулся в Дамаск, на одном из приемов знакомый английский дипломат вручил мне газету “Таймс”, где была запечатлена эта сцена и стояла подпись: “Русский эмиссар дает старт иорданскому королю”.»

...Правда, король в тот день не победил, он пришел к финишу вторым.

---

¹ Она родила вскоре королю наследного принца, нынешнего 40-го потомка Пророка – короля Абдаллу II.

Рыцарь «умной службы» без плаща и кинжала

В.Ф. Онищенко, ветеран ГРУ

Очередную круглую годовщину Леонид Иванович Медведко отметил выходом в свет очередной, не знаю, какой уже по счету, книги. Она посвящена все тому же – самому длительному ближневосточному конфликту, «ровесником» которого он часто себя называет. На этот раз новое произведение родилось в соавторстве с сыном Сергеем. Ему они дали тоже такое двухэтажное название: «Восток – дело близкое, Иерусалим – святое». В значительной мере это не только определяет ее содержание, но и отвечает жанру мемуарно-исторического повествования.

На презентациях новой книги в Институте военной истории, в Главном разведывательном управлении (ГРУ) Генштаба, а затем и в Центральном доме литераторов было много желающих ее приобрести (да еще с автографом автора!). И неудивительно. Ранее изданные его книги, посвященные сложнейшим проблемам и истории развития конфликтов на Ближнем и Среднем Востоке, давно уже стали редкостью. Они используются как учебные пособия еще с советских времен во многих высших учебных заведениях.

В новой книге есть один раздел под несколько интригующим и странным на первый взгляд названием: “Умная служба” на службе у “недоуменных верхов”. Военная разведка с ее оперативными органами и информационными службами не имеет ничего общего с романтическими и детективными похождениями «рыцарей плаща и кинжала» – героев модных ныне книг и телесериалов. Становление «умной службы» ГРУ Генштаба со всей ее разветвленной информационно-аналитической индустрией пришлось как раз на 70-е годы прошлого столетия, о чем подробно, едва не впервые, рассказывается в упомянутой книге. Развитие ее шло по многим направлениям. Для этого создавались отраслевые информационные управления, специальные службы и отделы, оснащавшиеся современными техническими средствами.

Постоянное внимание уделялось также формированию небольшой по численности структуры офицеров-аналитиков Информационной службы ГРУ. Туда отбирались специалисты высокого класса, имевшие до этого опыт работы в различных органах военной разведки и обязательно обладавшие творческими и аналитическими способностями. Особое место в этой системе стало отводиться в 1970-х годах Командному пункту ГРУ. Силами его четырех дежурных смен в круглосуточном режиме для доклада «наверх», а точнее, в Политбюро ЦК КПСС и военно-политическому руководству, обрабатывался большой поток поступающей со всего мира информации, особенно из «горячих точек» планеты.

Но почему все-таки в упомянутой книге говорится об «умной службе», как службе у неких «недоуменных верхов»? Это, конечно, сказано с присущим для Леонида Ивановича мягким юмором. Но в этом была большая доля истины. «Верхи» в те времена были представлены в основном людьми, мягко говоря, преклонного возраста. О характере и формате докладывавшейся информации на эти самые «верхи» теперь можно вспоминать только с улыбкой.

Но тогда все обстояло на полном серьезе. Язык и стиль докладываемых документов в Политбюро ЦК КПСС мы называли «цековскими». Им были характерны краткость, лаконичность мыслей и максимальная простота изложения самых сложных проблем и запутанных событий. Для этого требовались особые, незаурядные способности, и не каждому офицеру было под силу написание таких статей. Предыдущий опыт работы Леонида Медведко, военного и литературного переводчика, корреспондента ТАСС, а в последующем обозревателя газеты «Правда», автора ряда научно-популярных книг и остепененного востоковеда, здесь оказался особенно востребованным. Этому непростому ремеслу и одновременно науке нас, молодых офицеров, терпеливо учил Леонид Иванович – наш начальник и наставник.

Задача заключалась еще и в том, чтобы, как мы порой шутили, помочь часто «недоумевающему» высокому начальству не то что «поумнеть», но хотя бы разобраться в потоке информации и ухватить главное из происходящих в мире многих коллизий и проблем. Мы не навязывали, конечно, своих оценок «верхам». Но нужно было так подать материал, чтобы назревающее решение и выводы напрашивались как бы сами собой.

При подготовке «цековских» документов все наши справки-донесения тщательно согласовывались с соответствующими информационными управлениями. Естественно, возникали иногда ситуации, когда для срочных докладов наверх, в том числе в Минобороны и в отделы ЦК, привлекались силы и средства других специалистов-аналитиков ГРУ.

У восточных народов есть такое поверье, что пророческое прозрение постигает «аксакалов», шейхов не в круглом юбилейном возрасте, а при достижении числа лет, кратного 11. Я был свидетелем разного проявления этого феномена на примере своего учителя и в его 55, потом в 66, и в 77 лет, когда он их отмечал появлением своих все новых и новых книг. Во время работы на КП и в свою круглую годовщину – на 50-летие ему, уже как писателю и признанному аналитику, приходилось выдерживать тоже немало трудных «экзаменов».

Не знаю уж, по какому «закону подлости» или «теории катастроф», почему-то именно на долю нашей смены выпадали всякие неожиданные потрясения в мире: начало сомалийско-эфиопского и китайско-вьетнамского вооруженных конфликтов, взрыв «исламской революции» в Иране, начало ирано-иракской войны, штурм нашим спецназом дворца Амина в Кабуле и последовавший вслед за этим ввод советских войск в Афганистан, смерть Мао Цзэдуна, убийство Садата, кончины многих глав государств. Да и видные деятели нашей страны – Л.И. Брежнев, министры обороны А.А. Гречко и Д.Ф. Устинов тоже почему-то уходили из жизни в дни нашего дежурства.

Чрезвычайные события заставляли нас иногда срочно менять тематику докладываемых «верхам» статей. Но во всех таких случаях от нас требовалось сделать не только какие-то выводы, но и прогнозы. Вспоминается одно из таких дежурств, когда в Ливане разразился очередной кризис с участием всех политических и конфессиональных группировок, с вовлече-

нием в него соседней Сирии, Израиля и США. В то памятное утро 1979 года начальник ГРУ П.И. Ивашутин, принимая нашего командира с традиционным докладом, выглядел хмурым и озабоченным. Не глядя в принесенную папку с нашими документами, он достал и веером разложил на столе свой пасьянс из других докладов.

– Прочтите, хотя кое-что вы уже видели, – попросил он. – Смотрите, какая «разноперая» информация (это означало, что данные противоречивы и из разных источников. – В. Ф.), тут и радиоперехват, и доклады руководителей наших заграничных аппаратов, сообщения агентств. Что можно ожидать сегодня или завтра? Ударит здесь Израиль? – спросил он, показав на карте место сосредоточения сирийских войск в ливанской долине Бекаа. – Это же война с Дамаском! – не удержался от восклицания генерал. – Вот и американский авианосец тут уже неделю болтается. – Он открыл нашу военную сводку. – И почти одновременно правохристианские силы тут готовят широкомасштабную акцию против палестинских отрядов. А мне уже оттуда звонят, – он многозначительно поднял палец вверх, – там тоже ждут ответа.

Для Медведко все было понятно. В Международном отделе ЦК и в МИДе в ту ночь тоже не спали, ведь он по телефону («кремлевке») не раз связывался и советовался со своими коллегами.

– Сколько времени у меня, чтобы подумать? – спросил начальник нашей смены.

– Минут десять-пятнадцать, – устало бросил Петр Иванович, подписывая документы. – Любой ваш ответ не повлияет на содержание сводок, отправляйте. Перезвоните мне по телефону, а я сам доложу кому надо.

Этим разговором командир поделился со мной, вернувшись на КП.

– И каков прогноз, Леонид Иванович? – поинтересовался я.

– Да я когда еще шел по коридору, меня уже осенило, – улыбнулся Медведко, – ответ будет такой: НИЧЕГО НЕ БУДЕТ! Со стороны ливанских правых и Израиля – это шантаж! Все забыли, но ты-то, уже как спец, должен помнить то, что проходило, но не докладывалось, как непроверенное. Дамаск намерен смягчить позицию, правые христиане дают сигналы палестинцам через левых мусульман Джумבלата, что готовы на прекращение огня. Надолго ли это – не знаю, но завтра стихнет!

Он снял трубку прямой связи с начальником ГРУ и просто произнес три слова: «Ничего не будет» – и медленно положил трубку. Потом посмотрел на меня, еще не веря, что сам поверил в невероятное и тихо вымолвил: «Он сказал “спасибо”, не знаю только за что...»

Потом все так и произошло. Совершенно «неожиданно», буквально через сутки, правые Ливана подписали с левыми и палестинцами соглашение о прекращении огня и даже о сдаче противоборствующими сторонами ливанским властям какой-то части тяжелого вооружения. Дамаск также «неожиданно» объявил, что приступает к отводу войск из долины Бекаа. И ни одной израильской бомбы на их позиции так и не упало. Конфликт на время приутих. Но ливанской войне не суждено было на этом кончиться.

То был не первый и далеко не последний прогноз такого рода. Потом Леонид Иванович поведал как-то мне про еще один утренний разговор с П.И. Ивашутиным. Генерал поделился тогда с ним своим, казалось бы, отвлеченным соображением:

– Вы ведь, наверное, отдыхали в нашей санатории в Эшери? (Бывший санаторий ГРУ в Абхазии. – В. Ф.) Помните? Там местные жители готовят замечательные абхазские шашлыки! Они берут *разные* куски мяса – постного и жирного, помидоры, перец, лук, другие неведомые нам овощи, травы. Все это нанизывают в определенной последовательности на один шампур, и в результате получается *цельное* мясное блюдо непревзойденного вкуса. Вот и нам надо учиться такому же мастерству! Надо уметь на один шампур нанизать совершенно *разные* факты и события, их куски и в результате получить то, что называется не гадальным предсказанием, а серьезным и вполне обоснованным *прогнозом*. Эти, как и многие другие страницы

из становления «умной службы» военной разведки, не смогли войти в мемуарно-историческое повествование моего учителя.

Хотелось бы привести еще один памятный эпизод о своем командире. Когда во время дежурства нашей «пожарной» команды пришла весть о кончине Л.И. Брежнева. В ночь на 10 ноября 1982 года Леониду Ивановичу об этом сообщил дежурный генерал ЦКП Генштаба, предупредив, что об этом распространяться пока не надо. Медведко все же не мог не сообщить эту новость Ивашутину. Тот, оказывается, узнал о смерти Брежнева чуть раньше по своим каналам.

Утром, принимая с докладом Медведко, он задал ему тот же знакомый вопрос:

– Так что теперь будет?

Леонид Иванович совершенно спокойно на это отреагировал точно также, как на ливанские события в 1979 году:

– Ничего не будет, или, во всяком случае, хуже не будет, товарищ генерал армии.

– Ну-ну, – усмехнулся Петр Иванович, – хотя, если откровенно, я думаю точно так же...

Предчувствие оказалось верным. Преемники генсека-долгожителя Брежнева – безнадежно больные и Черненко, и Андропов – оказались временщиками. Они не смогли или не сумели изменить ничего в стране. Видимо, такой же прогноз делал и простой народ. Буквально через несколько дней после смерти генсека по Москве ходил такой кавказский анекдот.

Одного торговца в большой кепке спросили: «Слушай, ты знаешь, что Брежнев умер?» – «Канэшна, знаю», – ответил тот. – «А как теперь будешь жить?» – «Ха, дарагой, пабрэжнему!»

Все же скоро настали другие времена. Перестройка сменилась «катастрофкой». Не стало Советского Союза. Уже не в ГРУ, а на научной ниве продолжил потом свою творческую деятельность мой наставник, или, как уважительно по-арабски мы до сих пор называем его, «муаллим» или «устаз». Появились его новые исторические исследования и литературные творения.

Ушли, так же как и я, в запас многие его соратники и ученики. Нет уже в живых вождя и вдохновителя информационной «Империи ГРУ» П.И. Ивашутина, столетие которого отмечалось в конце 2008 года.

Свою аналитическую деятельность, только в другом качестве, продолжил потом другой мой непосредственный начальник, генерал-полковник Ф.И. Ладыгин, возглавивший ГРУ в 1992 году. Он был по праву преемником Ивашутина в деле развития информационной индустрии военной разведки. Федор Иванович заслуженно считался одним из опытнейших экспертов в области оценки стратегических театров военных действий и был одним из разработчиков (об этом мало кто знает) серии договоров ОСВ-1. Мне посчастливилось быть не только старшим офицером «умной службы», но и стать старшим помощником начальника ГРУ.

Продолжая встречаться с Леонидом Ивановичем, я убеждаюсь, что он, судя по всему, ни в запас, ни в отставку уходить не собирается. Наверное, такого склада люди приходят в «умную службу без плаща и кинжала» раз и на всю жизнь. А теперь я окончательно уверен, что он из нее никогда и не уходил.

Мое открытие Востока (О временах, о нравах и немного о себе)

Л.И. Медведко

В пору моего студенчества Московский институт востоковедения находился в Сокольниках на берегу реки Яузы. Посвящение в востоковеды в 1947 году бывших фронтовиков и демобилизованных, в том числе и тех, кто, как и я, не успел по разным причинам повоевать, запомнилось мне на всю жизнь.

Весть об окончании войны нами, юнцами, была воспринята с двояким чувством. Вместе со всеми, разумеется, мы радовались Победе. Но в глубине души были огорчены тем, что так и не успели внести в нее свою лепту. Мне в первые ее месяцы доводилось попадать и под бомбежки, и под обстрелы, пережить эвакуацию из Белоруссии на Урал. Отстав от эшелона, несколько месяцев бродяжничал в поездах, пока не нашел за Уралом поседевшую за это время маму.

На всю жизнь запомнилось, как мы с моим другом, ныне известным писателем Александром Рекемчуком, 9 мая 1945 года после долгого блуждания по улицам Москвы оказались на заполненной ликующими людьми Красной площади к началу праздничного салюта. На наших плечах были узенькие курсантские погоны, какие носили тогда «спецы» военных школ. Девушки, принимая нас за настоящих вояк, не стесняясь, целовали, а ребята с криками «ура» подбрасывали в воздух. Не забыть и того чувства причастности к общенародной радости и приобщенности к свершавшемуся на наших глазах этому историческому событию.

Каждого из того поколения война коснулась по-разному: одни лишились родных и близких, другие возвратились домой калеками. В общем, мало кого она обошла стороной. В то время как мы надеялись на приближение победы социализма во всем мире, война стала опять надвигаться, но уже не с Запада, а с Востока. Шла гражданская война в Китае. На Ближнем Востоке тоже разгоралась какая-то особая освободительная война. Непонятно было, кто в ней освобождался от империализма и колониализма – евреи или арабы. Евреи, как нам тогда каза-

лось, были настроены более антиимпериалистически. Арабских же правителей называли тогда «лакеями империализма» .

Свою альма-матер мы воспевали в веселой студенческой песне на мотив известной тогда грузинской песенки:

Он единственный в Союзе, на-ни-на-ни-на!
На реке стоит на Яузе, на-ни-на-ни-на!
На Ростокинском проезде, на-ни-на-ни-на!
Хочешь – езд, хошь – не езд, деливодела!

Запомнился первый урок турецкого языка (арабский мне пришлось осваивать несколько позже, факультативно). Первым делом преподаватель спросил каждого, что его подвигло к изучению турецкого. Когда очередь дошла до меня, я честно признался: любовь к поэзии Назыма Хикмета. С его стихами я познакомился, будучи еще курсантом военного училища, на одном из вечеров поэзии. Мой ответ заинтриговал преподавателя Владимира Дмитриевича Аракина, и он попросил, если я помню, что-нибудь прочесть наизусть. С пафосом я продекламировал вступление к поэме Хикмета «Пьер Лоти» :

Вот вам Восток европейских поэм и романов!
Тысячи книг, выходящих в течение минутного срока!
Но ни вчера, ни сегодня, ни поздно, ни рано
Не было, нет и не будет такого Востока!

Не думал я тогда, что этот же отрывок из его поэмы «Пьер Лоти», но уже на турецком языке мне придется читать перед камерой турецкого телевидения у памятника Назыма Хикмета на Новодевичьем кладбище более полувека спустя по подлинно историческому событию – возвращению Назыму Хикмету турецкого гражданства. Это событие ознаменовало не только его признание в родной стране, но и долгожданное возвращение Назыма на Родину и возвращение Родины – поэту, называвшему себя «поэтом Вселенной, Востока и Запада...» .

После моей страстной декламации на первом уроке, помню, Владимир Дмитриевич спросил меня:

– А каким видите вы Восток в будущем?

Вспомнив слова, которыми Хикмет завершал свою поэму, «восстающий Восток кровавым платком размахивает перед вами», обращенные к «санкюлотам Европы», я, не задумываясь, выпалил:

– Конечно, красным!

Владимир Дмитриевич с улыбкой спросил:

– А какой сейчас у Турции государственный флаг?

– Красный с полумесяцем! – ответил я после небольшой паузы.

– А вы хотели бы заменить Полумесяц на Серп и Молот? Но знайте, полумесяц на небе – это символ ислама, мусульманской веры, он по-своему роднит всех мусульман, а наш Серп и Молот – это символ коммунизма. Заменить одно другим будет не так-то просто. Вам, помимо восточных языков, обязательно следует знать также религию стран Востока. С этой целью вам и будет прочитан курс исламоведения. Придется овладевать и другими знаниями, а их немало. Одни пришли на Восток с Запада, а кое-что намного раньше пришло на Запад... .

В то время мы не очень задумывались над словами нашего преподавателя о том, что союзу рабочих и крестьян может как-то противостоять союз других единоверцев или религиозных националистов.

Еще до появления на экраны кинофильма «Белое солнце пустыни» мы имели возможность убедиться, что Восток – дело не только тонкое, но и трудное. Помимо марксизма-ленинизма востоковедение было, пожалуй, единственно признаваемой междисциплинарной наукой. Для ближневосточников в институте уже тогда преподавали исламоведение. Однако родственные исламу религии – христианство и иудаизм – оставались по-прежнему «terra incognita». Они находились как бы в запретной зоне. Приходилось только догадываться о подлинных процессах в мире разных религий.

Все, что там происходило, относилось к антиколониальному или освободительному движению. Поэтому как неожиданный «сюрприз» была воспринята и разразившаяся в 1948 году Палестинская война. Она никак не вписывалась в привычный формат антиколониальной войны, в которой сами освобождающиеся народы – палестинские арабы и евреи – стали убивать друг друга.

В первый год учебы мне представилась возможность лично познакомиться с писателем Ильей Эренбургом. Само собой разумеется, тогда мы не знали о двойственном отношении к нему И.В. Сталина. Вождь усматривал в нем почему-то международного шпиона и человека, сочувствующего сионистам. Перед нами он предстал совсем иным. Незадолго до посещения нашего института Эренбург по поручению вождя подготовил статью для газеты «Правда» об отношении советских евреев к Израилю и сионизму. Разрешение «еврейского вопроса», говорилось в ней, зависит не от военных успехов евреев в Палестине, а от победы социализма над капитализмом. Поэтому все еврейские труженики связывают свою судьбу не с судьбой еврейского государства, а с социализмом. Они далеки от мистики сионистов и смотрят не столько на Ближний Восток, сколько в будущее, «на север – на Советский Союз, который идет впереди человечества к лучшему будущему». Так Эренбург старался тогда прояснить свое истинное отношение к сионизму. Но такое указующее предостережение не помешало многим советским евреям вскоре уехать в Израиль. Среди них оказался наш любимый преподаватель политэкономии Энох Яковлевич Бретель, который покинул Советский Союз вслед за своим сыном. Перед отъездом он высказывал свою убежденность в том, что Израиль может стать «точкой опоры социализма на Ближнем Востоке». Вскоре туда же последовали некоторые наши бывшие фронтовики еврейской национальности.

Незадолго до нашей встречи с Эренбургом вышел наделавший много шума его роман «Буря». Он был посвящен недавно закончившейся Второй мировой войне в Европе. Эренбург, можно сказать, был непосредственным свидетелем и участником событий от начала Первой мировой войны до окончания Второй мировой.

Мне, отвечавшему в Комитете комсомола за культмассовую работу в институте, было поручено пригласить Эренбурга на читательскую конференцию. Нам хотелось узнать, что он думает о разразившейся новой буре на Ближнем Востоке. Уже тогда ближневосточная политика Москвы начала колебаться, как любили потом подшучивать, вместе с генеральной линией партии. Колебания эти ощущались повсеместно – в идейно-политической борьбе, в органах СМИ и во внешней политике. Отражалось это и на полях сражений Палестинской, а потом и всех последующих арабо-израильских войн. В стенах нашего института сама учеба была настолько политизирована, что даже изучение восточных языков проходило в свете «гениального труда» И.В. Сталина «Марксизм и вопросы языкознания». Концы с концами при таком изучении не всегда сходились.

В стенах нашего института шло изучение почти всех восточных языков. Но о будущем государственном языке Израиля – иврите – не только студенты, но даже преподаватели имели весьма смутное представление. Эренбурга крайне удивила такая дискриминация. Он спросил меня, почему иврит исключен из числа изучаемых в Институте восточных языков. Не услышав вразумительного объяснения, он произнес: «По-моему, ваши наставники делают ту же оплошность, что и сионисты. Они, противопоставляя себя Арабскому Востоку, откровенно предла-

гают свои услуги Западу. Как бы от этого там не разразилась буря более продолжительная, чем Вторая мировая война». Прогноз его стал сбываться гораздо раньше, чем мы закончили институт. Правда, угрозу надвигающейся на Востоке бури мы ощутили позже.

В год окончания института назначение на работу за границей получили лишь единицы. При распределении выпускников приоритет отдавался в первую очередь заявкам из военных и других закрытых ведомств. Так как я до этого учился в артучилище, а на последнем курсе уже совмещал учебу с работой руководителя лекторской группы Московского комитета комсомола, на меня поступили сразу три заявки: одна – из ЦК ВЛКСМ, другая – от КГБ и третья – из Генштаба. При первом же собеседовании в КГБ, узнав, что кое-кто из моих родственников во время войны оставался на оккупированной немцами территории, меня забраковали. Представители Генштаба проявили ко мне большую снисходительность как к бывшему курсанту артиллерийского училища и к тому же без пяти минут ответственному работнику комсомола. Через три месяца стажировки в Главном разведывательном управлении (ГРУ) при Генштабе меня, едва ли не самого первого из всех выпускников института, отправили за границу на должность переводчика аппарата военного атташе (ВАТ) при посольстве СССР в Турции. Там мне и пришлось первые три года работать в Анкаре под руководством генерал-майора Н.П. Савченко, а последующие два – в генконсульстве в Стамбуле, где моим непосредственным начальником был вицеконсул, бывалый военный разведчик Михаил Иванович Иванов. Ему довелось до командировки в Турцию поехать и на крайнем Западе – в Испании, и на Дальнем Востоке – в Японии, где он осуществлял связь с легендарным Рихардом Зорге. Уже по возвращении из командировки мы продолжали дружить семьями. Вместе с моим коллегой корреспондентом ТАСС Вадимом Щенниковым нам удалось подвигнуть Михаила Ивановича на воспоминания о том периоде его работы, которые публиковались потом в журнале «Азия и Африка сегодня».

От Босфора и Иордана до Суэца и Залива

Отъезд наш в Турцию несколько задержался из-за ожидания появления на свет третьего члена нашего семейства. За это время пришлось пройти несколько кругов инструктажей. Наставления давались самые разные.

Пришлось побывать и в загранотделе ЦК. Хотя тогда я не был членом партии, но сдал там на хранение свой комсомольский билет. Довелось перед этим предстать лично пред очами Л.И. Брежнева. В то время он занимал должность куратора всех силовых структур. Беседа была короткой и сводилась к призывам быть особенно бдительными. Заключительные напутственные слова «берегите ребенка и держитесь крепче друг за друга» были высказаны нам с женой в шуточной форме уже непосредственно перед нашим уходом.

Их пришлось вспомнить уже на вторую ночь, вскоре после пересечения нашим поездом болгаро-турецкой границы. Первый турок, встреченный нами, оказался вовсе не страшным, а скорее сентиментальным и добродушным. Первое услышанное от него слово было связано с Аллахом в непонятном для меня сочетании – «Машалла!» (как выяснил потом, «Да хранит Аллах!»). Первое «дело», в котором мы все оказались как-то замешаны, уже тогда было связано с терроризмом, хотя о такой опасности нас никто в Москве не предупреждал.

В поезд, следовавший из Эдирне в Стамбул, нас посадил болгарский консул, передав меня со всем моим семейством то ли на попечение, то ли под охрану турецким проводникам вагона. А далее нас ожидало серьезное испытание. Среди ночи настойчивый стук в дверь заставил меня открыть купе. Я увидел несколько полицейских и жандармов. Они возбужденно пытались что-то объяснить, указывая на наши вещи, которые тут же сами стали собирать, не дожидаясь нашей реакции. Из всех слов, потоком обрушившихся на меня, я разобрал только «каза», что в общем-то означает и аварию, и катастрофу. Но это могло быть и нечто другое,

подходящее под категорию «провокация». О том, что она может подстергать на каждом шагу, нас заранее предупреждали. Так как звать на помощь все равно было некого, пришлось следовать за людьми в форме. А те, выгрузив все наши вещи, предлагали заодно и подхватить плачущего ребенка. Но тут уж супруга, помня наставления Леонида Ильича, действовала строго по инструкции: никому ребенка не передоверять. За меня она держалась тоже крепко, пока мы преодолевали путь от одного состава до другого: тот стоял почти в километре от первых вагонов нашего поезда, сошедшего, оказывается, с рельсов. Утром встречавшие нас в Стамбуле работники консульства поведали о железнодорожной аварии, от которой мы невольно пострадали.

На следующее утро военный атташе представил меня нашему послу в Анкаре А.Н. Лаврищеву. Бывалый советский дипломат встретил, как мне показалось, строго, держа в руках свежий номер какой-то турецкой газеты. Указывая на ее первую полосу, он с места в карьер, решив, наверное, проверить мои знания турецкого языка, произнес: «Что же это вы, не успев еще доехать, занялись терроризмом и диверсиями? Вот читайте!» Через всю газетную полосу красными буквами было написано: «Катастрофа на железной дороге». После статьи с подробным описанием происшествия с нашим поездом шел подзаголовок – «Русские шпионы». Указывая на него пальцем, посол, смягчив строгое лицо скупой улыбкой, подбодрил: «Вот отсюда и читайте».

Из заметки я узнал, что меня турки уже произвели из переводчика в помощники военного атташе. А дальше я постарался как можно ближе к тексту перевести все остальное: «Обращает на себя внимание, что по маршруту Эдирне—Стамбул в последнее время зачастили ездить русские дипломаты. Так, в ночь железнодорожной катастрофы по этой дороге проследовал помощник военного атташе Леонид Медведко со своей женой Еленой». О третьем «подозреваемом» – нашем сыне Сергее, слава богу, в статье не упоминалось.

Читая регулярно появлявшиеся в печати сообщения то о происках коммунистов, то о диверсиях курдов-сепаратистов, то о грядущих из русской Сибири снегопадах, я часто вспоминал разговор с Назымом Хикметом. Он состоялся перед моим отъездом. «Имей в виду, – предупреждал он меня, – во всем плохом, что происходит в Турции, будут винить Москву, коммунистов и курдов».

При следующей нашей встрече Назым Хикмет закрепил свое прошлое напутствие автографом на подаренном мне романе в стихах «Человеческая симфония»: «Товарищу Медведко с любовью за то, что он как настоящий коммунист любит мой турецкий язык и мою Турцию. Назым». Эту книгу с дорогими для меня словами я продемонстрировал и перед камерой турецкого телевидения, зачитав одно из его стихотворений, посвященное Полю Робсону. В нем поэт, изъясняясь в любви к своему «чернокожему брату», признавался, что им обоим Россия стала второй родиной, ибо в родной стране «запрещают петь наши песни...». При прощании с ним перед отъездом в Турцию я не предполагал, что через несколько месяцев мне удастся в самой Турции повстречаться с людьми, которые делали ее новую историю.

Событие, которое через два месяца после моего прибытия в Анкару свело меня с Исмет-пашой, и в самом деле было историческим. Все утренние выпуски турецких газет 5 марта 1953 года вышли с броскими заголовками: «Сталин протянул ноги!», «Русский диктатор загнулся!», «Сталин ушел из жизни сам или ему помогли уйти?» Никто из работников посольства не хотел этому поверить, тем более что официального подтверждения из Москвы еще не поступило. Услышав по московскому радио эту весть, все мы поспешили на работу. Я жил по соседству с посольством, поэтому пришел одним из первых. И очень удивился, когда у закрытых дверей нашей миссии увидел уже довольно большую группу одетых в черное иностранных дипломатов и турецких официальных лиц. Как потом стало известно, первым появился здесь лидер ставшей недавно оппозиционной Народно-республиканской партии, а в прошлом президент Турции генерал Исмет-паша Иненю.

Для меня это была первая встреча на чужой земле с человеком, олицетворявшим живую историю своей страны и как бы связывающим разные ее этапы – Первую и Вторую мировые войны, кемалистскую революцию со становлением самой Турецкой Республики. В Сталине Иненю видел прежде всего лидера великого государства и государственного деятеля мирового масштаба. Он пришел первым к посольству, чтобы выразить свои чувства. К столь раннему приходу именитого гостя в посольстве не были готовы. Пока драпировали черной материей зеркала и искали место, куда положить книгу для записи соболезнований и поставить принесенные Исмет-пашой цветы, мне как переводчику посольства пришлось до появления посла принимать неожиданных гостей. Дольше всех мне удалось поговорить с Исметом Иненю. Он был для меня живым воплощением новой и новейшей истории Турции. Раньше я проходил ее в институте только по учебникам. К тому же это был непосредственный участник всех этих исторических событий. Да и сам он потом стал живой историей.

– Со смертью Сталина, можно сказать, ушла целая эпоха, – произнес Иненю слова, которые он записал в официальной книге соболезнований. – Именем Сталина эта эпоха одинаково связана с вашей и нашей историей. Наши страны чаще воевали друг с другом, а в годы революций и сразу после них мы были вместе и помогали друг другу. Но для этого не обязательно делать революции. Наверное, лучше хранить наследие вождей наших революций. При них мы вместе строили мосты нашей общей истории, которые потом, к сожалению, сами разрушали. Дела Сталина, – заключил он после многозначительной паузы, – конечно же, войдут в историю века...

После этого, наверное, в подкрепление высказанного соболезнования Иненю крепко пожал мне руку. В тот момент мне, кажется, впервые раскрылся глубокий смысл восточной мудрости, не раз произносившейся нашим преподавателем: «Суфии говорят, что история измеряется не временем, а рукопожатием людей».

До этого обмениваться рукопожатиями с творцами истории и вождями мне не случалось. Сталина я несколько раз видел издали, на Красной площади из тесно сомкнутого строя таких же, как я, курсантов – участников военных парадов. Однажды представился случай увидеть его и вблизи, почти рядом, во время похорон в 1947 году старой большевички Р.С. Землячки. Тогда у ее гроба в Колонном зале Дома Союзов наша смена в почетном карауле на пять минут совпала с приходом Сталина и его ближайших соратников по Политбюро.

С его преемником Н.С. Хрущевым повезло больше. Первый раз увидел его, когда он выступал перед комсомольским активом и лекторами Московской области. Во второй – в Египте, на открытии Асуанской плотины. Тогда на торжественной церемонии Хрущев пожимал руки многим встречавшим его. Но под руку «дорогого Никиты Сергеевича» советские журналисты, к счастью, не попали. Зато многие из нас были удостоены рукопожатия вождя египетской революции Гамалея Абдель Насера и иракского «халифа на час», генерала Арефа.

В 1956 г. в самый разгар холодной войны, сопровождавшейся сразу тремя «горячими» кризисами – суэцким, венгерским и кипрским (они следовали буквально один за другим), меня прикомандировали к аппарату военно-морского атташе. Находился он в Стамбуле. Там меня подключили к переговорам и самой процедуре передачи полученных от США в годы войны по ленд-лизу старых торпедных и вспомогательных военных судов. Правда, так и не ясно было, кому мы их передавали, прежним хозяевам или Турции – новому союзнику по НАТО. Кроме участия в этих переговорах, я по просьбе нашего торгпредства был направлен в качестве переводчика на ежегодно устраиваемую в Измире торгово-промышленную ярмарку. Меня это вполне устраивало. Там я имел возможность получить хорошую языковую практику. Там же мне посчастливилось близко познакомиться с одним из многих посетителей советского павильона доктором Хикметом Кывылджимлы. Он был соратником и близким другом Назыма Хикмета. Вместе они просидели в тюрьме, в одной камере более десятка лет за «коммунистическую пропаганду». Он тоже писал стихи. Кроме того, перевел на турецкий язык ряд трудов

классиков марксизма-ленинизма. Выйдя на волю, он возглавил рабоче-крестьянскую партию «Ватан» («Родина»). Узнав, что в Москве я встречался с Назымом и занимаюсь переводами его поэзии, доктор приглашал меня потом несколько раз к себе, в небольшой домик на азиатском берегу Босфора. Дома он мне признался, что теперь переключился с марксистской классики на политическую поэзию. С одним из своих новых творений он тут же познакомил: дал почитать свой «отчетный доклад» в стихах. Подготовлен он был специально для участников съезда партии, названного «Конгрессом хлеба и лука», ибо именно этим вынуждены были чаще всего питаться трудовые люди, будь то турки или курды, турецкие армяне или греки.

Незадолго до того в Стамбуле разыгрались бурные события под националистическим девизом «Кипр – турецкий». Они сопровождались не только греческими, но и новыми армянскими погромами. Непокойно было и в восточных вилайетах, где проживали в основном курды. Официальные власти называли их «горными турками». Когда по возвращении в Москву я рассказал Назыму Хикмету о своей жизни в Турции и встречах с доктором Кывылджимлы, он, не скрывая волнения, стал мне читать отрывки из поэмы в стихах «Человеческая симфония», рассказывать о своих друзьях разных национальностей, с которыми познакомился на воле и в тюрьме. Услышав о планах своего друга создать новую рабоче-крестьянскую партию на интернациональной основе, Назым, назвав его неисправимым идеалистом, добавил: «Турецкий национализм и интернационализм – несовместимы... Наверное, даже турецким коммунистам так же трудно избавиться от национализма, как советским коммунистам от бюрократизма».

Прожив в СССР после эмиграции из Турции несколько лет, Назым остро переживал «обуржуазивание» советской номенклатуры и все другие издержки нашей модели извращенного «реального социализма». Причину последовавших за революцией бед он усматривал не столько в сталинском тоталитаризме, сколько в советском бюрократизме и его нетерпимости к любому инакомыслию.

«Ваш бюрократизм превзошел даже наш турецкий. Вы успешно можете экспортировать его не только в социалистические, но и капиталистические страны», – мрачно подшучивал Назым Хикмет. На Измирской международной торговой ярмарке летом 1956 года мне представился случай познакомиться с директором израильского павильона, бывшим советским гражданином, который назвался Симоном. По профессии он был музыкантом-скрипачом. Одно время даже дирижировал симфоническим оркестром в Тель-Авиве. Несмотря на свои атеистические убеждения, Симон очень сокрушался по поводу того, что после Палестинской войны 1948 года главные еврейские святыни остались в Восточном Иерусалиме, как он выразился, под контролем «иорданского короля-марионетки и ставленника английских колонизаторов». Переубедить его ссылками на принятую ООН резолюцию о международном статусе Иерусалима было бесполезно. Мне он рассказывал, как его верующие родители, отмечая очередной еврейский Новый год, всякий раз повторяли одно и то же: «Следующий год – в Иерусалиме». Он был убежден, что вековая мечта евреев непременно сбудется.

«Незавершенная война за независимость рано или поздно должна завершиться победой. Впрочем, ждать придется недолго, – сказал мой новый знакомый перед нашим расставанием, когда мы на пароходе возвращались в Стамбул. – Я удивляюсь, что советские руководители с их коммунистическими убеждениями стали помогать арабским феодалам и бывшим поклонникам Гитлера. Помяните мои слова: уже этой осенью мы их разобьем в пух и прах. Не они нас сбросят в море, а мы их отгоним от Суэца. Нам даже не потребуется сбрасывать их в море. И произойдет это не в следующем году. Уже в этом, 1956 году мы выйдем к Суэцкому каналу. Мы обязательно будем в Иерусалиме. Не забывайте, что в Израиле у вас гораздо больше сторонников и друзей, чем в Египте. Лучше было бы нам вместе завершить нашу незавершенную войну...»

Последняя его фраза заставила меня задуматься. По возвращении в Стамбул я решил доложить полученную информацию нашему генконсулу Александру Абрамову. Он приехал в Стамбул недавно, можно сказать, прямо из Тель-Авива. После непродолжительного разрыва дипломатических отношений с Израилем из-за учиненного кем-то в 1951 году взрыва на территории советского посольства он занимал пост посланника СССР в Израиле. Вспоминая проведенные там годы, Абрамов часто любил, смеясь, рассказывать, как в Тель-Авиве многие израильские посетители посольства и даже высокопоставленные чины прежде, чем начать с ним какой-то разговор, почему-то пристально всматривались в его глаза и, переходя на шепот, обычно спрашивали: «Скажите честно, товарищ Абрамов, вы – наш?» На все его уверения, что он чистокровный русский, его собеседники все равно оставались при своем мнении: «Признайтесь, вы все-таки Абрамов? Значит, наш!» Поэтому работники нашего консульства за его спиной подшучивали: «Их человек в Тель-Авиве стал нашим консулом в Стамбуле».

Ему-то как человеку, наиболее осведомленному в израильской политике, к тому же недавно приехавшему из Москвы, я и решил, прежде всего, рассказать то, что Скрипач из Тель-Авива поручил мне «сообщить» в Москву. Абрамов отнесся к моей информации серьезно. Но, будучи тонким дипломатом, он посоветовал «ввести в курс дела более опытного в таких делах» вице-консула Михаила Ивановича Иванова. Тот, выслушав меня, спросил, смогу ли я еще раз встретиться со своим Скрипачом. Узнав, что на следующий день Симон с вокзала Хайдар-паша уезжает в Анкару, Иванов впервые не стал меня отговаривать от поездки на азиатский берег в Ускюдар. Похоже, ему и до моей информации уже кое-что было известно о готовившейся против Египта военной операции. Михаил Иванович попросил меня при очередной встрече с израильским Скрипачом попытаться выяснить то, что в разведке называется «источником полученной информации». Оказалось, «источник» был довольно серьезный. Симон слышал об этом от своего родственника, офицера Генштаба. После такой перепроверки Михаил Иванович, посоветовавшись с генконсулом, уговорил военно-морского атташе доложить эту информацию по своим каналам в Москву. Трудно сказать, дали ли ей там дальнейший ход или еще раз стали перепроверять. Но после того как мы услышали по радио о начале суэцкой войны, Иванов в сердцах произнес: «Наверное, вашему Симону не поверили в Москве так же, как не поверили в 41-м году информации из Токио от Зорге о готовившемся нападении немцев на Советский Союз. Скорее всего, Израиль к Суэцкому каналу будет прорываться не один. Запад наверняка поможет ему...»

Так оно и произошло. Позднее свидетели и участники тех событий, бывшие соратники Насера – Х. Мохи эд-Дин, А. Хамруш, М. Хейкал, с которыми мне потом приходилось встречаться в Каире и Москве, делясь своими воспоминаниями, рассказывали о ходе войны.

Операция «Мушкетер» против Египта, как иронизировал Хейкал, была подготовлена и осуществлена в компании на троих. Речь шла о тройственной агрессии Великобритании, Франции и Израиля против Египта. Израиль в ней выполнял подчиненную роль. Именно тогда Египет при поддержке Советского Союза сумел отстоять свою независимость. Ну а что касается Израиля, то, может, он в 1948 году приобрел свою независимость, но, развязав суэцкую войну по заказу Запада, говорил мне Хейкал, начал ее утрачивать. Египет же сумел отстоять свою честь и независимость.

Несостоявшийся брак в Багдаде

После потери Англией Суэца оплотом западной политики на всем Ближнем и Среднем Востоке стал Багдад. Там размещались все постоянно действующие органы Багдадского пакта, в том числе его военный комитет. В Ираке во время маневров и в случае «резкого обострения обстановки» стали приземляться и базироваться эскадрильи американских бомбардировщиков. В Ливане тем временем укреплялись позиции сторонников Насера. В этом

Запад усматривал «коммунистическую угрозу» как в Ливане, так и в соседней Сирии, взявшей курс на объединение с Египтом. Интервенция против Ливана была предreshена, оставалось лишь назначить дату, а точнее, ее санкционировать. Начальник Генштаба иракской армии уже заранее получил приказ направить две бригады в Иорданию для подготовки их переброски в Ливан. Такова была схема сценария, который и начал постепенно осуществляться.

Летом 1957 года в Стамбуле мне довелось стать свидетелем пышных приготовлений к помолвке молодого иракского монарха Фейсала с турецкой принцессой Фазиле. На следующее лето было намечено два важных события: открытие сессии Багдадского пакта и женитьба молодого короля. Принцесса вела свою родословную, как утверждали стамбульские газеты, от османских султанов. Белоснежная королевская яхта, бросившая якорь в бухте Флорья в Босфоре, вечерами сияла разноцветными огнями. Оттуда доносилась музыка, а вокруг сновали катера и лодки. Они доставляли гостей и все необходимое для уже готовящегося бала. Турецкая печать предрекала, что предстоящее бракосочетание будет символизировать прочность военно-политического союза, окрещенного по месту его рождения Багдадским пактом. Как таинственно заранее намекали некоторые журналисты, предстояло выдержать серьезное испытание. Прогнозы турецкой печати отчасти оказались пророческими. Но это «серьезное испытание» Багдадский пакт не сумел выдержать. Намечавшийся брак не состоялся. Принцесса Фазиле и турецкие государственные деятели, выехавшие утром 14 июля 1958 года на аэродром Ешилькей для встречи иракского монарха и его премьер-министра Нури Саида, так и не дождались высокопоставленных гостей.

Лишь к полудню стало известно, что короля Фейсала, его дяди-регента Абдул Иляха и премьер-министра Нури Саида нет в живых. Иракское Хашимитское королевство перестало существовать. Багдадский пакт остался без Багдада.

Намеченная на 14-15 июля в Стамбуле сессия Багдадского пакта была отменена. Между тем именно ей надлежало установить точную дату вооруженного вторжения в Ливан, план которого уже детально обсуждал Нури Саид в Вашингтоне и Лондоне. На Западе не сомневались, что его утвердят без проволочек. У Вашингтона для этого имелись довольно действенные рычаги: ведь к тому времени США являлись членами трех основных комитетов Багдадского пакта – экономического, по борьбе с подрывной деятельностью и военного. Вступив в военный комитет, США, по существу, стали одним из главных участников пакта, хотя официально они не входили в его руководящий орган – Постоянный совет, но все равно играли в нем ведущую роль. Кроме того, Вашингтон оказывал непосредственное влияние на каждого участника пакта, используя двусторонние соглашения в рамках «доктрины Эйзенхауэра».

После провала интервенции в Египте в 1956 году США усилили свое проникновение в Ирак. После заключения в 1955 году соглашения о предоставлении Ираку военной помощи Вашингтон сумел значительно укрепить там свои военные и политические позиции. Группа американских военных советников в Ираке, находясь в непосредственном подчинении главнокомандующему американскими вооруженными силами в Европе, к 1958 году насчитывала более восьмидесяти человек. С принятием Ираком «доктрины Эйзенхауэра» возросла роль американской дипломатии в определении внутренней и внешней политики страны.

С началом Суэцкого кризиса в ответ на репрессии Нури Саида иракцы подняли восстание. Почти через две недели оно было подавлено войсками и полицией. Но оно не прошло бесследно: в феврале 1957 года был образован Фронт национального единства. Не прошло и года, как королевский режим оказался в полной изоляции. На самом видном месте в городе появились портреты египетского президента Насера. Он превратился в подлинного кумира Ирака. Армия чувствовала себя морально подавленной. Опираясь на нее, генерал Касем и совершил революцию. События ускорили назревание процесса, который и завершился 14 июля 1958 года антимоноархической революцией. Она сделала Багдад «вторым Суэцем». Иракские войска вме-

сто того, чтобы, выполняя приказ, двинуться в Иорданию, а затем в Ливан, направились в Багдад и свергли монархию. Выступление армии встретило массовую поддержку в народе.

Багдадский пакт лишился самого важного звена. В результате оказалась разорванной вся цепь военных союзов на Ближнем и Среднем Востоке. Созданная незадолго до этого иракско-иорданская федерация рухнула. Иракская революция оказалась для Запада особенно ощутимым ударом и в политическом, и в экономическом, и в военном отношениях. После того как Багдадский пакт остался без Багдада, «доктрина Эйзенхауэра» стала терять и других своих потенциальных клиентов и союзников.

Маршал Жуков «у врат Царьграда»

В первые два года после Суэца Запад не спешил сдавать свои позиции. Механизм Багдадского пакта в 1957 году только начинал набирать обороты. В него всеми правдами и неправдами пытались втянуть Сирию. С этой целью было организовано несколько антиправительственных заговоров. В октябре 1958 года была задержана группа заговорщиков, переброшенных в Сирию из Турции. Турецкие войска подтягивались к сирийской границе (о чем и стало тогда известно нашей военной резидентуре в Стамбуле), одновременно готовилось антиправительственное выступление группы сирийских офицеров и некоторых воинских частей.

В турецких газетах все чаще появлялись, очевидно, инспирируемые извне статьи, напоминавшие о «законных притязаниях» Турции на часть территории Сирии. Подкреплялись они приграничными инцидентами на ее границах. В турецкие порты едва ли не ежедневно стали заходить американские корабли и суда с военными грузами. Приехавший с официальным визитом в Анкару заместитель госсекретаря США Гендерсон посетил также Стамбул для продолжения консультаций. Вслед за этим в некоторых газетах появились заметки с кричащими заголовками через всю полосу: у Гендерсона якобы пропал портфель, и, скорее всего, это дело рук «русских шпионов». Все это было приурочено к началу проведения в Восточном Средиземноморье и на территории Турции совместных учений НАТО. Москва тоже не оставалась безучастной к происходившему. У границ Турции проводились широкомасштабные учения Кавказского военного округа. Наш вице-консул Иванов не скрывал своего удовлетворения. У него были на то свои основания. Поступившие тогда от нас сигналы, как он догадывался, тоже, наверное, сработали.

В это же время наш военно-морской атташе адмирал Тимченко получил из Москвы указание организовать прохождение группы наших военных кораблей через Черноморские проливы. Позднее мы узнали, что на крейсере под флагом министра обороны СССР находился сам маршал Жуков. Он направлялся с официальным визитом в Албанию. Но он стал для него, как потом выяснилось, последним. Все офицеры во главе с адмиралом Тимченко, начистив ботинки до блеска и надрав пуговицы своих бушлатов, ранним утром направились на приписанном к нашему генконсульству военном катере в устье Босфора для встречи маршала.

Мне и другому самому молодому сотруднику военно-морского атташата было поручено ответственное задание – крепко держать Тимченко за ноги, когда он, вытянувшись во фрунт, встанет на носу катера, качающегося на волнах. Именно так, по всем морским правилам, он и приветствовал флаг министра обороны и лично маршала Жукова, показавшегося с биноклем в руках на капитанском мостике. Рядом с нами туда-сюда сновал катер под американским флагом. На нем мы сразу признали своих коллег из военно-морского атташата США. Они непрерывно щелкали фотоаппаратами, наводя объективы поочередно на все антенны нашего флагманского корабля. Это не осталось там незамеченным. Мы издали увидели, как из-за стекла капитанского мостика выглянули сразу нескольких биноклей. Среди флотских головных уборов нельзя было не заметить выделяющуюся своим красным околышем и позолотой высокую маршальскую фуражку. Как ни старался я удерживать за ноги своего адмирала, он, приметив

маршала Жукова, так подался вперед, отдавая честь, что едва не потерял равновесие. Жуков навел, однако, свой бинокль не на наш катер, а на американский. Заметив, как там дружно все работают фотоаппаратами, он, подняв руку, то ли пальцем, то ли кулаком пригрозил уж слишком наглым «фоторепортерам». На утро одна из газет дала сообщение о проходе корабля с маршалом под заголовком «Жуков появился у стен Стамбула». Все вчерашнее действие происходило в самом узком месте Босфора, в створе между стенами двух некогда грозных крепостей на европейском и азиатском берегах пролива – Румели-хисар и Анадалу-хисар. Через некоторое время наши корабли проследовали в обратном направлении, но уже без маршала Жукова.

Когда мы на машине возвращались в Анкару, по московскому радио передали сообщение, что Жуков, прервав свой визит, возвратился в СССР. Эта весть стала полной неожиданностью не только для нас, но и для недавно прибывшего нового посла Н.С. Рыжова (бывшего министра текстильной, а затем легкой промышленности). Он был причастен к строительству текстильного комбината в Кайсери. Надо полагать, Хрущев направил его в Турцию для наведения порушенных Сталиным «мостов дружбы» между нашими странами. Рыжов по-прежнему считался человеком близким к верхам. Об этом можно было судить по портрету Хрущева в его кабинете, на котором красовался многозначительный автограф: «Никите от Никиты. Хрущев». Услышанную по радио сенсационную весть мы расценили совершенно по-разному. Судя по сухости, с какой было передано сообщение, мы заподозрили что-то неладное. Но посол, снисходительно пожури нас за политическую близорукость, попытался рассеять наши сомнения: «Вот увидите, после Пленума ЦК ваш Жуков, скорее всего, станет премьер-министром».

Оправдалось все же наше тревожное предчувствие. Более того, как вскоре узнал я от своих военных начальников, вслед за Жуковым серьезные перестановки произошли в Генеральном штабе и Главном разведывательном управлении. Пользовавшийся в военных кругах большим авторитетом прежний начальник Генштаба – генерал С.М. Штеменко, который считался человеком Жукова, тоже оказался в опале. Его направили в Северо-Кавказский военный округ, войска которого в то время проводили демонстративные учения у границы с Турцией. (Тогда это расценивалось как своеобразное предупреждение для НАТО и Багдадского пакта в ответ на продолжающийся нажим на Сирию.) Так до нас доходили отголоски бурных перемен на родине.

О них мы узнавали от приезжавших из Москвы новых работников и от первых советских туристов (как правило, высокопоставленных или именитых). Одни, как, например, писатель Лев Никулин, азербайджанский поэт Расул Рза, которых мне приходилось встречать и сопровождать, приезжали в творческие командировки. Другие – Константин Паустовский, украинский писатель Любомир Дмитерко, кое-кто из родственников высокого начальства – были в Стамбуле транзитом как туристы первых средиземноморских круизов. Помнится, нам было поручено под благовидным предлогом прервать тогда круиз дочери Молотова, которой якобы из-за болезни отца было предложено самолетом срочно вернуться в Москву. Только позднее мы узнали об «историческом Пленуме ЦК», отправившем вслед за Жуковым в отставку не только всех членов «антипартийной группы» Молотова – Кагановича – Маленкова, но и самого популярного в то время на Арабском Востоке советского министра иностранных дел с самой длинной фамилией – «и-примкнувшего-к-ним-Шепилова».

Как Хрущев обложил чужих и заложил своих

Шумиха в турецкой печати по поводу «портфеля» Гендерсона, исчезнувшего чуть ли не при переправе его через Босфор, вскоре получила неожиданное развитие. Два помощника военно-морского атташе плюс переводчик и шофер были через несколько дней схвачены полицией. Несмотря на дипломатический иммунитет помощников, вместе с шофером и переводчиком всю ночь их продержали в полицейском участке. На мои неоднократные телефонные

звонки заявляли, что они задержаны до «выяснения подлинных намерений их встречи с неким турецким гражданином». Для официального уведомления о случившемся нашего нового посла Бориса Подцероба мне пришлось всю ночь висеть на телефоне, поочередно делая звонки то в полицию, то в Анкару. После продолжительных разбирательств моих коллег в конце концов освободили.

Утренние газеты появились еще до возвращения наших работников в консульство. Все газеты писали, будто этот турецкий гражданин «обладал военными секретами». На самом деле гражданина этого они подвозили до летней резиденции атташе во Флорье, где, по предварительной с ним договоренности, он должен был проверить водопроводную систему. Скорее всего, это была так называемая «полицейская подстава».

В посольство тут же не замедлила поступить нота турецкого МИД. Она объявляла помощников атташе «персонами нон грата». Вицеконсул Иванов, занимавшийся их отправкой на родину, прощаясь с ними, пошутил: «Признавайтесь, наверное, вы посадили в свою машину какого-то лощмана, чтобы он вас на яхту к принцессе Фазиле на свидание свозил?» Вице-консул намекал на то, что королевская яхта стояла почти напротив нашей летней резиденции. Позднее стало известно, что провокация против нас была ответной реакцией турецких властей на очередную «кузькину мать» Хрущева. Разоблачая тогда с высокой трибуны «происки империализма», он похвастался: дескать, советские разведчики добыли «секретные документы Багдадского пакта», готовившего нападение на Сирию. Это заявление и было подкреплено тогда передвижением наших войск на Кавказе. Ну а турецкие органы безопасности для отвода глаз дали утечку тогда в печать о пропаже якобы портфеля Гендерсона где-то на Босфоре.

Москва не замедлила отреагировать по-своему. Вскоре оттуда пришло указание ускорить и мой отъезд из Стамбула. После высылки моих коллег я оставался там едва ли не единственным «заложником» – официальным сотрудником атташата, выполнявшим протокольные функции (без дипломатического иммунитета). Сопровождать меня до Москвы взялся лично вице-консул Иванов. Он опасался, как бы я тоже не стал жертвой очередной провокации перед отплытием парохода. Тогда на пароходе я и услышал его рассказ о деятельности, по выражению Михаила Ивановича, «коллективного Рамзая» и аресте нашей военной нелегальной резидентуры в Японии в октябре 1941 года.

Последующие события в Иордании и Ливане развивались по сценарию, весьма схожему с Суэцким кризисом. Сменился лишь состав основных актеров и их роли. Главным зачинщиком всего происходившего был Вашингтон. На вторых ролях выступал Лондон. Роль третьего партнера в интервенции против Ливана и Иордании поручалась местным союзникам. Они уже подбирались не только по социальной, но и по религиозно-этнической окраске. В Ливане это были правохристианские силы, опиравшиеся на местных феодалов и прозападную торговую буржуазию. В Иордании ставка больше делалась на прозападные силы, связанные с королевским двором и противостоявшие арабским «юнионистам» – сторонникам Насера. Возможно, в целях маскировки готовившейся операции по вторжению в прибрежный Ливан ей присвоили невинное название – «Летучие мыши». Для аналогичной операции в континентальной Иордании, почти не имевшей выхода к морю, нашли еще более трогательное название – «Золотая рыбка». Осуществление этой операции было возложено на английскую воздушно-десантную бригаду «Красные дьяволы». Она уже на третий день после революции в Багдаде была десантирована в Иордании.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.